

Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

НАСЛЕДНИЦА ТРЕХ КЛИНКОВ

Серия исторических романов

Даля Трускиновская

Наследница трех клинков

«ВЕЧЕ»

2009

Трускиновская Д. М.

Наследница трех клинков / Д. М. Трускиновская — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Серия исторических романов)

XVIII век. Курляндия. В поместье Карла фон Гаккельна, недалеко от Митавы, обнаружен труп молодой девушки. Одновременно в поместье появляется племянница фон Гаккельна – Эрика. Она просит дядю помочь ей срочно добраться до российской столицы. Вдобавок неожиданно в дом врывается старый знакомый фон Гаккельна, Михаил Нечаев. Он ищет некую сумасшедшую девицу, которая была похищена при рождении у одной знатной петербургской дамы. Местонахождение девицы недавно выяснилось за большие деньги, и дама требует доставить дочку к себе. Смекнув, что сумасшедшая – та самая утопленница и что разыскивающие не знают ее в лицо, фон Гаккельн предлагает Эрике притвориться «дурочкой», добраться до Петербурга и там уже решать свои дела. Однако его величество Случай распорядился по-своему!..

Содержание

Глава 1. Бешеная ночка	6
Глава 2. Ночная дуэль	15
Глава 3. Путешествие обезьянки (часть первая)	22
Глава 4. Путешествие обезьянки (часть вторая)	30
Глава 5. Царскосельская идиллия	38
Глава 6. Два жениха	45
Глава 7. Господин Поль	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Даля Трускиновская

Наследница трех клинков

© Плещеева Д., 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Глава 1. Бешеная ночка

– Черт знает что! – пробормотал Карл Фридрих Август фон Гаккельн, глядя на вытащенное из пруда мертвое тело. – Черт знает что! Ганс, дурак, поднеси факел поближе! Петер, вытри ей чем-нибудь лицо! Кто это?

Утопленница в длинной рубахе, облепившей тело, на вид была девица лет семнадцати или восемнадцати, коротко стриженная, плотного сложения, уже теперь – грудастая и с мощными бедрами. Гаккельн, опираясь на трость, склонился над ней. У него в хозяйстве таких девок не было, все плели косы. И не столь велика усадьба отставного офицера, чтобы не знать в лицо все ее женское население: двух птичниц, трех скотниц, молочницу, экономку, стряпуху, четверку здоровых кухонных девок, что занимались также мытьем полов, стиркой, садом и огородом.

Да и не усадьба даже, усадьба – у барона. Скорее – мыза, но мыза ухоженная, где хозяйство ведется разумно и каждый клочок земли приносит пользу. Когда человеку под шестьдесят, а жены и детей не нажил, то главной отрадой становится хозяйство. Можно позволить себе баловство – завести хороших лошадей, или пригласить из Митавы ученого сыровара, или даже послать баб на болото, чтобы искали кустики клюквы и черники с особо крупными ягодами. Потом эти кустики посадить вместе, устроив нечто вроде плантации, а урожай продавать по хорошей цене, потому что – диковинка.

– Она не из наших, милостивый господин, – заговорили тихонько люди, – не из наших... не из наших...

– Кто видел, как она шла к пруду? – спросил Гаккельн. – Не бойтесь, говорите прямо. Кто видел и скажет правду, тому дам пять фердингов.

Это подействовало.

– Она вот оттуда шла, милостивый господин, через луг, – сказал любимчик Гаккельна, конюх Герман.

– По-твоему, она вышла из леса?

– Получается так, милостивый господин.

– Что она делала поздно вечером в лесу, да в одной рубахе? – Гаккельн задумался. – И какой черт занес ее в пруд?

– Она шла по дорожке, милостивый господин, – Герман показал рукой направление, – а там как раз мостки, чтобы полоскать белье. Она, я думаю, вышла к мосткам и не заметила, что там-то дорожка кончается.

– Похоже на правду... – Гаккельн почесал в затылке. – Завтра ее непременно будут искать. Ганс, Герман, отнесите-ка ее в маленький погреб на лед. Герман... нет, Петер! Беги на конюшню, принеси старую попону, ту, которой укрываем Фебу. Заверните бедную дурочку и несите на лед.

И, оставив свою дворню у пруда, пошел в дом. Настроение было испорчено – а ведь он собирался провести остаток вечера самым приятным образом, с бутылкой вина и занятой французской книжкой. Французский он знал хуже, чем хотелось бы, а лексикон на что? И кто виноват, что немецкие книги скучны, а французские – задорны и причудливы? На столе ждал «Жиль Блаз из Сантьяны» – самое увлекательное чтение для человека в годах.

Когда Гаккельн приобрел свою мызу, господский дом имел жалкий вид – как всякое здание, которое после пожара не на что было как следует отстроить. Но помог деньгами муж его родной и любимой племянницы Анне-Мари, барон фон Лейнарт. Помощь была не совсем бескорыстной – поселив поблизости от себя Гаккельна, барон знал, что отставной артиллерист уже не станет заводить семью и маленькое имение достанется по наследству баронессе фон Лейнарт. А коли так – отчего ж загоя не привести его в достойный вид? И Гаккельн, посоветовавшись с присланными бароном архитектором и садовником, устроил все наилучшим обра-

зом – окна спальни и маленького кабинета смотрели в сад, к тому же из спальни имелся выход на террасу, а оттуда можно было спуститься в цветник и перейти в резную беседку, особенно это было приятно летом – что лучше завтрака на свежем воздухе?

Гаккельн подумал-подумал – и решил, что скверное настроение лучше всего лечить жареными копчеными колбасками. В погребе висели целые гирлянды – и домашней работы, и присланные племянницей. Она знала дядюшкины вкусы – и кто же, как не Анне-Мария, доставляла породистых поросят, помогла завести коров, дающих столь жирное молоко, что слой сливок впору было ножом резать? А утренний кофе с горячими густыми сливками, с крендельками и пончиками, был одним из главных наслаждений Гаккельна. С этого маленького праздника начинался безмятежный день отставного офицера – и впереди было еще много таких дней, если только не лениться и почаще ездить в Добельн к доктору, поскольку боевые раны дают-таки о себе знать. Особенно мешает жить левый локоть, основательно поврежденный исторической пулей – полученной в славный день взятия генералом Чернышевым прусского города Берлина.

Колбаски радости не принесли – он все никак не мог забыть утопленницу. Мужчины, заворачивая ее в старую попону, заметили, что руки у девки белые, чистые, с ровно подстриженными ногтями, как у барышни. А у кого из соседей могла бы жить барышня с волосами не длиннее, чем у крестьянского парнишки?

Решив, что наутро обязательно что-то выяснится, Гаккельн взялся за «Жиль Блаза...» и даже успел прочесть несколько страниц, когда в окно кабинета постучали.

Ничего удивительного в этом не было – экономка Минна уже несколько лет навещала в сумерках хозяина и приходила как раз через сад. Стук означал просьбу открыть дверь. Улыбнувшись, Гаккельн взял свечу, пошел в спальню, отворил ведущую в сад дверь и невольно попятился.

На пороге стоял мальчик в надвинутой на брови треуголке.

– Кто вы, молодой человек? – спросил Гаккельн. Любезное обращение было вполне оправданным – судя по одежде, мальчик был из дворян.

– Дядюшка, миленький, помогите, я погибаю!

– Это ты, Эрика? Что за глупый маскарад? Входи скорее! – велел Гаккельн. – Что еще случилось?

– Дядюшка, я погибла!

– Ты не похожа на покойницу, милая Эрика, – тут Гаккельн опять вспомнил про утопленницу. – Если ты добралась сюда из Лейнартхофа, а это по меньшей мере четверть немецкой мили...

– Дядюшка, если ты мне не поможешь, мне остается лишь одно – застрелиться!

– Сними шляпу, сядь, успокойся, – Гаккельн поставил свечу на прикроватный столик и указал Эрике на большое кресло. – И как ты додумалась перерядиться в мужское платье? Где ты взяла этот кафтан, эти штаны?

– В сундуке, дядюшка!

Эрика не села – а бросилась в кресло с видом совершенного отчаяния. Шляпу она сорвала с головы и кинула на пол. Гаккельн хмыкнул – недопустимо, чтобы девица из хорошей семьи нахваталась повадок у бродячих комедиантов. Или она вывезла эти манеры из Риги? То-то любимая племянница, вернувшись домой после Масленицы, два месяца только и толковала о бароне Фитингофе, его замечательном оркестре и прочих увеселениях, неизменно добавляя: куда Митаве до Риги, времена курляндской славы давно миновали!

Анне-Мария родила двух дочек и сына. Старшую два года назад хорошо выдали замуж, сына отправили служить в Россию. Гаккельн сам писал рекомендательное письмо в Санкт-Петербург, и не кому-нибудь попроще, а самому графу Григорию Григорьевичу Орлову, с которым свел знакомство в Пруссии – оба воевали там, оба были ранены в Цорндорфском сраже-

нии, только Орлову было тогда двадцать четыре года и он даже в прекраснейшем сне бы не увидел своей будущей головокружительной карьеры, а Гаккельну – сорок пять, и курляндец понимал – карьеры уже не будет; Орлов, добрая душа, определил родственника своего боевого товарища в Измайловский полк, шефом коего была сама государыня.

Младшая дочка Анне-Марии, Эрика-Вильгельмина, еще даже не была просватана. Хотя в восемнадцать лет пора бы...

– Ну так что же случилось?

– Ко мне посватался барон фон Опперман...

– Теперь мне все ясно.

Этот брак любимая племянница подготавливала уже давно. Сорокалетний барон по здешним меркам считался хорошим женихом; вот если бы только не загадочная смерть его первой жены и не странные порядки, заведенные в усадьбе, где трое детишек воспитывались, словно солдаты в казарме, и наказывались за малейшую провинность. Анне-Мария считала, что барон будет любить и баловать Эрику, а вот Гаккельн в этом вовсе не был уверен. Любезность фон Оппермана ему доверия не внушала.

– Дядюшка, я не пойду за него, лучше утоплюсь! – выкрикнула Эрика и заплакала.

– А что же делать? – Вдруг Гаккельн осенило: – У тебя есть на примете другой жених?

– Есть! Есть!

– И кто же это? – спросил Гаккельн.

– Это Валентин фон Биппен!

– Я такого человека не знаю.

– Знаешь, дядюшка! Он прошлой осенью приезжал с Карлом, и мы обручились!

– Прошлой осенью? С Карлом? – тут Гаккельн сообразил, о ком речь. – Этого только не хватало!

Карл-Ульрих, старший брат Эрики, прибыл к родителям на побывку и привез с собой товарища-измайловца. Дело житейское – и неужто в усадьбе Лейнартов не прокормят лишнего гостя? Побывка длилась две недели, и за это время Валентин успел разозлить решительно всех. Он был из породы острословов, но не тех, что роняют тонкое словцо раз в день, не чаще. Это был острослов разговорчивый и способный слышать лишь самого себя. Только неопытная Эрика могла принять это словоизвержение за светский придворный лоск.

Но Валентин – офицер, поручик, столичный житель, он молод, добродушен и подходит Эрике куда больше, чем барон фон Опперман.

– Дядюшка, миленький, я дала ему слово! – рыдая, еле выговорила Эрика. – Или он – или я утоплюсь в твоём пруду!

– И чего же ты хочешь?

– Помоги мне уехать в Санкт-Петербург!

– Ого! Это... это невозможно!..

– Почему? Ты дашь мне в долг денег, дашь лошадь, и я прекрасно доеду...

– Дурочка, ты не представляешь себе, как это далеко! Разве Карл не сказал тебе, сколько дней добирался до Лейнартхофа? По меньшей мере десять дней, ты уж мне поверь. И они ехали вдвоем, да с денщиками, и были вооружены...

– Ты мне дашь свои пистолеты! – воскликнула Эрика. – И научишь стрелять!

– Даже если я дам тебе мортиру, всякий сразу поймет, что ты – девочка, а не мальчик! – сердито сказал Гаккельн. – Я не могу отпустить тебя одну. Не могу – и точка!

– Значит, мне остается только одно!

– Да ты же не продержишься десять дней в мужском седле! Ты в лучшем случае доедешь до Митавы, а там свалишься с лошади и будешь три дня отлеживаться в каком-нибудь трактире. А за это время тебя найдут родители. Подумай сама... – пробовал образумить девицу Гаккельн. В ответ были только рыдания.

Он отлично понимал, что жениха Эрике нашли самого неподходящего. Но чем он мог помочь? Пожалеть разве? Где бы ни попыталась Эрика скрыться – ее найдут, вернут домой, и лучше ее отношения с женихом от этого не станут. И все же, все же...

Гаккельн глядел-глядел на плачущую девушку, которая годилась ему во внучки, и сам чуть не прослезился. От эдакого смятения мыслей и чувств он, почитавший себя вольнодумцем, вдруг беззвучно произнес: «Господи!..»

И в это единственное слово была вложена целая спрессованная речь:

– Господи, дай способ помочь бедному дитяти, дай способ уберечь ее от жениха, чья жестокость известна всей Курляндии! Этот жених заморочил голову моей дурочке-племяннице и ее бестолковому супругу, но, Господи, Ты-то видишь правду!..

Полет мысли к небесам совершается мгновенно, а ответ на нее может последовать через несколько минут, ибо движения земных и плотских тел медлительны. Вот Гаккельн и по плечу Эрику похлопал, и уже собрался звать экономку, чтобы приготовила какое-нибудь питье, помогла утешить, – и тут лишь в той части усадьбы, где маленький курдоннер и крыльцо для гостей, раздались голоса.

Гаккельн никого не ждал в такое время и первым делом подумал о родителях Эрики.

– Сиди тут и никуда не уходи! – велел он родственнице. – И сиди тихо, как мышка! А я попробую с ними разумно поговорить.

Он вышел в кабинет и встал, приосанившись, напротив двери. Голоса приближались, дверь отворилась, вошел бывший денщик Гарлиб.

– К вашей милости господа, имен не знаю – они не назвались...

– Любопытно. Зови.

Как у всякого отставного военного, у Гаккельна было в кабинете оружие, да и заряженное, конечно: это для сельского жителя вещь обязательная. Хотя Гаккельн и не был избыточно строг к своим землепашцам, но если по соседству вспыхнет бунт – то ведь и эти, казалось бы, сытые и надежные, опьянеют от собственной дури и пойдут крушить все вокруг, такие случаи бывали.

Вошли двое, в длинных плащах, в нахлобученных чуть ли не ниже ушей шляпах, той особой походкой, которую усваивает всякий, к чьим сапогам обычно пристегнуты шпоры.

– Простите, сударь, что мы врываемся, как разбойники, – сказал тот, что, верно, считал себя старшим, и сказал с заметным акцентом. – Поверьте, вам ничто не угрожает. Мы ищем несчастное беспомощное существо, сбжавшее от своих опекунов, и погоня завела нас сюда. Простите, что не знаем вашего почтенного имени и не можем обратиться к вам, как подобает благородным людям...

– Я драгунский капитан в отставке, Карл Фридрих Август фон Гаккельн, – спокойно ответил хозяин дома, положив руку на край стола, где под нарочно раскрытым географическим атласом лежали пистолеты.

– Гаккельн?! Не может быть! Чудо, истинное чудо! – И тут ночной гость перешел на русский язык: – Карл Федорович, ты не узнаешь меня?

Русский был ему куда более привычен.

– Покажись, открой лицо, – по-немецки велел Гаккельн.

– Да, конечно!

Гость сорвал треуголку – и Гаккельн ахнул.

– Ах ты... ах ты, старый чертяка! – воскликнул он по-русски, а по-немецки продолжал: – Иди сюда, я обниму тебя! Ты жив, ты уцелел! Михаэль! Мишка! Черт бы тебя побрал!

Михаэль-Мишка был молодым человеком лет двадцати восьми, ростом чуть выше среднего, худошавым и светловолосым. Эту внешность дамы называли бы ангельской – невзирая, что нос длинноват и остер, рот тонкогуб и великоват, улыбка – от уха до уха. В полумраке кабинета черты лица от темных теней казались заточенными до бритвенной остроты, но днем, да на солнце, и волосы обрели бы золотистый блеск, и глаза явились синими, синее неба и

моря, и всякий, глянув на это лицо, сказал бы: вот большой шутник, проказник, с которым лучше не ссориться...

Боевые товарищи обнялись и принялись лупить друг друга ладонями по плечам, выкрикивая по-немецки и по-русски какие-то имена, какие-то названия сел и городов, ужасаясь и восторгаясь.

– Карл Федорович, вели подать вина, – по-русски сказал наконец Михаэль-Мишка. – Ты ведь давно здесь живешь?

– Семь лет, – по-немецки ответил Гаккельн.

– И все окрестности знаешь? Всех соседей объездил?

– Я полагаю, всех. Часто бываю в Добельне, а в западную сторону доезжал до Фрауэнбурга. А кто тебе надобен?

– Мне надобна карта здешних мест. Я тебя знаю, ты немец хитрый и порядочный, не может быть, чтобы ты не вычертил хотя бы карты своих владений! – И тут Михаэль-Мишка перешел-таки на немецкий: – Товарищ мой знает лишь по-русски и немного по-французски, мы можем говорить при нем свободно. Вели же подать ему вина. Он немного выпьет и сядет дремать, мы оба устали, как будто неделю не сходили с седла... да так ведь оно и было... И я расскажу тебе, в чем дело, надеясь на твой добрый совет.

– Помогу тебе всеми способами, если это в силах человеческих, – отвечал радостный Гаккельн. Мишка был однополчанин – не из тех, с кем вместе воевал Гаккельн, но ведь и совместная гарнизонная служба также сближает.

Велев Гарлибу принести из погреба вино и копченую дичь, Гаккельн достал свернутую в трубку карту, которую действительно сам вычертил на досуге, раскрасив акварелью: леса сделал зелеными, озера синими, усадьбы соседей изобразил крошечными хорошенькими замками.

– Славно! – сказал, разглядывая местность, Михаэль-Мишка. – Где же твой дом?

– Вот тут. Это – Лейнартхоф, там живет моя племянница с мужем и дочкой. Это – лес возле Лейнартхофа, о котором рассказывают всякие чудеса. Когда я узнал, что там течет каменная река, то первым делом поехал проверить. И действительно, ощущение не из приятных – будто мелкие камни стекают с гор ручьем шириной в добрых четыре шага. Там, говорят, и привидения водятся. Но ты же не за признаком гонишься?

– Ты попал в точку, любезный друг, я гонюсь за признаком, – совершенно серьезно отвечал Михаэль-Мишка. – Это что?

– Это – усадьба приятеля моего, барона фон дер Стаффен. Мы вместе ездим охотиться на фазанов.

– А эта дорога?

– На Терветен.

Вошел Гарлиб с подносом. Спутник Михаэля-Мишки выпил два бокала красного вина и вздохнул, всем видом являя полное блаженство. Затем он откинулся на спинку кресла и сдвинул треуголку до кончика носа – как человек, который всем показывает, что хочет подремать.

– А тут можно пройти лесом? – спросил Михаэль-Мишка, который, судя по всему, был неутомим.

– Если не провалишься в болото.

– Уж не забрела ли она в болото?..

– Кто?

Михаэль-Мишка покосился на своего товарища.

– Карл Федорович, тут такое дело – поклянись, что никому не расскажешь!

– Клянусь! – тут же ответил любознательный Гаккельн.

– Тут дело такое – может, самые близкие к государыне лица в него замешались.

– Да мне тут, милый Михаэль, и разболтать-то некому.

– Это было еще при прежней государыне. В одном семействе дитя родилось, девочка. И ее выкрали. Кто выкрал – не скажу, это была месть, и месть не напрасная. Девочку вывезли к вам в Курляндию, тут она и росла. Знали про то немногие – почитай что никто не знал. А росла она убогонькой – от рождения такова была. Что лопочет – не разобрать, взрослой девкой стала, а разум – как у трехлетнего дитяти. И вот ее родители прознали, где ее прячут. И про то узнали, что дитя неудачное. Ну, мать решила так – нужно дочку тайно привезти в столицу, показать врачам. Глядишь, удастся помочь, тогда ее объявят – мол, нашлась. А не удастся – поместить в хороший дом, чтобы жила под присмотром. И нас с Воротынским, товарищем моим, за этой девицей послали. Мы ехали в дормезе, у самой государыни такого дормеза нет! Думали – заберем девицу, привезем в Санкт-Петербург... А она, дурочка, как на грех, из дому убежала, не устерегли...

Тут-то Гаккельн и понял, кого его люди вытащили из пруда. Но сразу докладывать об утопленнице не стал.

– Так вы объезжаете окрестности – вдруг ее кто-то видел или даже приютил? – спросил он.

– Да, Карл Федорович, для того нам и карта потребовалась. Когда бы мы ее, бедняжку, поймали – то сразу бы и помчались с ней в Митаву, а из Митавы – в Ригу.

– А заехать к тем добрым людям, что ее растили и кормили, не собираетесь?

Тут Михаэль-Мишка немного смутился.

– А что к ним заезжать? Они за нее немалые деньги получили, а не уследили! Нет, мы бы – сразу в Митаву, даже в Добельн не заезжая, и там бы взяли для нее девку, чтобы за ней ходила. Хорошо, мы с собой верховых лошадей вели, как знали, что пригодятся!

– Так... Если вы сейчас поедете по лесным тропам, то непременно окажетесь в болоте. Этого я не хочу. Сейчас пойду, подыму своих людей, велю седлать коней и всех разошлю искать девицу. Какова она собой, знаете? – спросил Гаккельн.

Михаэль-Мишка пожал плечами.

– Портрета нам с собой никто не давал. Коли сможешь отыскать дуру-девку, я твой должник навеки, – сказал он. – И доверши благодеяние – позволь прилечь хоть на диван! Меня ноги не держат.

– Изволь, любезный друг. Сейчас отправлю своих людей на поиски и вернусь.

Гаккельн вышел из кабинета, прошел к парадному крыльцу, оказался во дворе, но не свернул к хозяйственным постройкам, за которыми жили работники, а прокрался вокруг дом к саду и поднялся по ступеням к той двери, что вела в спальню.

На прикроватном столике осталась гореть свеча – и уже обратилась в маленький огарок. Эрики нигде не было. Гаккельн осторожно вошел, огляделся, – нагнулся – где ж ей быть, как не под кроватью? Прижав палец к губам, он беззвучно отступил назад, оказался на террасе. Эрика на четвереньках последовала за ним. Оба молчали и двигались совершенно бесшумно.

Гаккельн отвел родственницу к беседке и там лишь заговорил.

– Ты слышала? – спросил он.

– Я по-русски не поняла...

– Они ищут девицу, которая сбежала от своих опекунов. Девица тронулась рассудком, даже не умеет внятно говорить. Им велено найти ее и доставить в Санкт-Петербург. Это ты поняла?

– Это поняла.

– Они ее никогда не найдут.

– Почему?

– Потому что она забрела ко мне в сад и свалилась в пруд. Мои люди ее вытащили уже мертвую. Сейчас она в погребке. Эрика, они не знают, как выглядит эта сумасшедшая девица,

они вообще о ней ничего не знают, только то, что ее нужно доставить в российскую столицу... ты понимаешь?..

– Да!..

– Тише, ради Бога. Сейчас я вынесу тебе ночную рубаху и чепец, возьму у фрау Минны. Ты переоденешься, свои вещи оставишь в беседке... На всякий случай я дам тебе нож и немного денег. Сделаем из веревки пояс, повесишь все это под рубахой. Потом ты выйдешь на дорогу, что ведет к Терветену, и будешь ждать, пока тебя найдет мой Герман. Он парень толковый, он тебя не выдаст. Скажет, что видит впервые в жизни. И ты уедешь.

– Дядюшка!..

– В Митаве тебе наймут служанку, купят платье. Главное – постарайся все время молчать. В Санкт-Петербурге ты найдешь способ убежать от них к жениху. Все. Больше я ничего для тебя сделать не могу.

Гаккельн обнял Эрику и поцеловал в лоб.

– Только сразу же, как найдешь своего Валентина, повенчайся с ним. В тот же день. Чтобы моя совесть была спокойна.

– О, да, да! Дядюшка, я тебе обо всем напишу!

– Молчи.

Он вошел в дом с черного хода и отыскал комнатку экономки. Фрау Минна не очень удивилась ночному визиту, а вот просьбе удивилась – на что хозяину женская рубаха и чепец впридачу? Но Гаккельн обещал купить ей новые, велел не выходить из комнатки до утра, взял вещи и вернулся к беседке. Потом он поспешил будить конюхов. Объяснив Герману, что от него требуется, Гаккельн вернулся в кабинет и вздохнул с облегчением – Михаэль-Мишка спал на диване. Гаккельн сел за стол и принялся за «Жиль Блаза...». Он прочитал вставную историю донна Помпейо де Кастро вплоть до женитьбы на племяннице магната Радзивилла, которая его порядком развлекла – курляндцы знали, кто такие гордые паны Радзивиллы и как нелегко иностранцу проникнуть в их род путем брака. Потом он просто глядел в окно, примечая, как понемножку светлеет небо. Наконец был подан условный знак – Герман трижды ухнул по-совиному. Это означало, что он уже у пруда и через несколько минут въедет в ворота. Оставалось благополучно выпроводить гостей и убедиться, что они уехали напрямик в сторону Митавы.

– Вставай, чертяка, – по-русски разбудил Михаэля-Мишку Гаккельн, тряся за плечо, и перешел на немецкий: – Мои люди нашли ее! Идем, идем!

Давний приятель сел на диване, протирая кулаками глаза.

– Господь надо мной сжалился! Вставай, Воротынский!

Втроем они вышли к воротам, где стоял почтенный дормез, целая комната на колесах. Там же были привязаны два оседланных коня. Рядом сидел на чурбане старый сторож Ганс, держа на коленях старый мушкетон – орудие не столько огнестрельное, сколько схожее с дубиной: если взять за ствол, то прикладом можно отбиться от тройки грабителей.

Увидев хозяина, Ганс встал и поклонился.

– Что же ты не подпускаешь их к дому? – спросил Гаккельн, подняв повыше фонарь и осветив двух всадников справа от дормеза. Перед одним на конской холке сидела девица в длинной рубахе. Ее лицо было наполовину закрыто съехавшим и покосившимся чепцом.

– Кто ее знает, что за девка, милостивый господин, – отвечал сторож. – Говорят, у болота поймали. А сами извольте знать, кто водится на болоте, особенно у нас...

– Давай ее сюда, Герман! – приказал Гаккельн.

Младший конюх Петер спешился и принял на руки девушку, сидевшую перед Германом. Ее бережно поставили на землю и подвели к Гаккельну.

– Вот, милостивый господин, – сказал Герман. – Уж не знаю, та девица или не та. От нее слова не добиться, бормочет, как малое дитя. Взяли на опушке – сидела в траве.

– Это она, – отвечал ему Гаккельн. – Молодцы, парни, вы заслужили награду.

– Да, наградить их надо, – Михаэль-Мишка полез за кошельком. – Ливонезы тут у вас имеют хождение?

– В корчме могут и не принять, но в Митаве их еще можно обменять на талеры и фердинги, – отвечал Гаккельн. – Хотя русских денег у нас не любят.

– Это мы уже заметили. Но у нас остались именно ливонезы – не везти же их обратно! И это не русские деньги – чеканили-то их для Лифляндии.

– Позволю напомнить, что мы сейчас – в Курляндии.

Михаэль-Мишка достал большую серебряную монету с профилем покойной государыни Елизаветы Петровны, дал Герману с Петером – одну на двоих, они поклонились.

– Ступайте, – велел им Гаккельн. – Ну, сажайте вашу добычу в дормез, и с Богом!

Михаэль-Мишка подошел к Эрике, которая стояла все это время с опущенной головой, приподнял ей подбородок и заглянул в лицо.

– Какая жалость, что девка убогая, – по-русски сказал он. – Ну да не наша печаль. Нам ее нужно доставить, куда приказано, – так, Карл Федорович? Ей-богу, жаль, ведь красotka...

Гаккельн пожал плечами – мало ли красоток. Но в глубине души порадовался – он и сам считал родственницу прехорошенькой.

– Ты, друг мой, непременно отпиши мне, как добрался до Санкт-Петербурга и довез девицу. Пиши в Добельн, я там часто бываю. И скажи – коли я соберусь в вашу столицу, можно ли пожить у тебя неделю-другую?

– Обижаеть ты меня, Карл Федорович! – воскликнул Михаэль-Мишка. – Вовеки не прощу, когда приедешь к нам и поселишься в трактире! Мой дом – к твоим услугам! Живу я за Казанским собором, дом окнами глядит на Екатерининский канал. Спроси там любого – всякий покажет дом купца Матвеева, в нем и квартирую. И вот что... коли тебя о девке будут спрашивать... Ты как-нибудь похитрее отвечай... Опекуны-то ее отдавать не больно хотели. Мое счастье, что она сама от них сбежать умудрилась. Ну, пора нам! Воротынский, поведешь моего Адониса в поводу, а я с девицей в дормезе поеду. Дура ведь и на ходу выскочить может. Ну, обними меня, старый чертяка!

Гаккельн и Михаэль-Мишка крепко обнялись. Затем Эрику посадили в дормез, Михаэль-Мишка вскочил следом, дверца захлопнулась.

Постояв на дороге, пока не стих стук копыт, Гаккельн вернулся в дом. Время было такое, что и спать уже расхотелось, и вставать рано. Он опять сел за стол, зажег и вставил в подсвечник новую свечу, но читать не стал, а некоторое время глядел на портрет, висевший на противоположной стенке, словно бы мысленно с ним беседовал.

Сам Гаккельн уже утрачивал понемногу сходство с портретом – появились морщины и высокие залысины, соответствующие возрасту, да еще брови, волоски которых сделались толстыми и жесткими, поседали, пошли в рост и нависали бы над глазами, как бахрома, если бы не фрау Минна с маленькими ножницами. А вот в лице Эрики сходство виделось несомненное – те же волосы с легкой рыжинкой, те же широко расставленные темные глаза и вздернутый нос; настоящее фамильное сходство, с которым бессильно сладить время.

Этот поясной портрет изображал молодого мужчину, одетого так, как одевались больше сотни лет назад при герцоге Якобе: в колет с пышными рукавами и роскошным кружевным воротником, под которым поблескивала вороненая кираса. Волосы его, мелко завитые, падали на плечи, а под локтем, словно для опоры, был небольшой щит – разумеется, с гербом. Герб был на удивление прост – три скрещенные сабли, не меча и не шпаги, а именно сабли, причем такой формы, что кавалерист был бы сильно озадачен: массивное лезвие короче обычного, зато гарда велика и прочна. Кавалерист решил бы, что мазила, которому велели нарисовать герб, совершенно не разбирается в оружии – и ошибся бы, потому что как раз сабли художник изобразил на удивление точно.

Просто это были абордажные сабли. А курляндский дворянин на картине, Эбенгард фон Гаккельн, служил своему герцогу на море, капитаном небольшого, легкого и послушного рулю трехмачтового фрегата «Артемида», построенного на либавской верфи по образцу дюнкеркских. Над этим судном развевался особенный флаг – черный краб на красном поле. И от португальского побережья до мексиканского он был отлично известен мореходам. Под этим флагом рыскали в поисках хорошей добычи курляндские пираты.

Глава 2. Ночная дуэль

Княгиню ждали. Стоило из-за угла появиться паре скороходов, как дежурившие у ворот парнишки засвистели в жестяную дудку, подняли переполох. Когда экипаж, покачиваясь на ухабах, подъехал, ворота были уже распахнуты, слуги с фонарями стояли во дворе.

– Ваше сиятельство, извольте!

Ее сиятельство оперлась о руку дворецкого и вышла на мощный пяточок перед крыльцом.

– погоди, Семеныч, дай воздуху дыхнуть. Какая дура в карету с курильницей лазила? Воничу развели! Дознаюсь – на хлеб с водой посажу.

Дворецкий благоразумно промолчал. Сама же княгиня третьего дня жаловалась, что в экипаже неприятный запах откуда-то взялся, словно мышь подохла или, Боже упаси, крыса. И ничего удивительного – в таком сооружении много всяких щелей и закоулков, есть где крысам плодиться.

– Тоска... – сказала, немного помолчав, княгиня. – В Москву хочу. Там хоть сады, сейчас травой скошенной пахнет... ей-богу, укачу в Москву...

Летняя ночь в столице была далеко не столь ароматна. Сирень, высаженная во дворе, отцвела, а от Фонтанки тянуло какой-то сомнительной вонью.

– Ваше сиятельство, госпожа Егунова дожидаться изволят.

– Как? И ты молчишь, дурак? Кой час било?

– Третий, ваше сиятельство.

– Вот ведь реприманд... И что – где она? Как она?

– В малой гостиной на диванчике прилечь изволили. С ними там Ирина Петровна, да они с собой особу дамского пола привезли, в карты играют.

– В третьем часу? Пусти, что встал на дороге?

Княгиня подхватила юбки и с девичьей прытью взбежала по ступенькам. Вдруг обернулась:

– Коней не выпрягать! Я сейчас эту вертихвостку домой отправлю.

Заспанные сенные девки, что вышли ей навстречу в ожидании приказаний, вразной кланялись; она, не обращая на них внимания, спешила к лестнице; ее пышные букли немного развились, растрепались, а накладка из кружев и лент, венчавшая высокую прическу, покосилась.

– Ирина Петровна, ступай сюда, прими веер, прими серьги – все уши оттянули! – звала княгиня, и ее верная казначейша тут же выбежала навстречу из малой гостиной.

– Каково играть изволили, матушка? – спросила она, низко присев.

– Отменно! Государыня за свой стол усадила, я браслеты проиграла, те, что князь к именинам подарил, помнишь? А фаворит мне под честное слово китайские каминные вазы проиграл, завтра пришлет. Браслетов-то у меня – полные укладки. А вазы такие – одни на всю столицу! Где Авдотья?

– Задремать изволили Авдотья Тимофеевна.

– Как же быть? Может, не трогать ее, пусть уж до утра поспит?

– И я, матушка-княгиня, того же мнения.

Княгиня Темрюкова-Черкасская и ее казначейша были ровесницами, и это сильно Ирину Петровну беспокоило: непонятно, как себя вести и как одеваться. Наденешь темное, причешешься гладенько – княгиня расстроится: неужто и я такая ж старуха? Нацепишь кружева, подрумянишься – княгиня опять же расстроится: дура-Иринка моложе меня глядится!

– Или разбудить, раздеть, уложить в кровать? Что ж спать-то одетой, нечесаной да и напудренной? Чай, не фрейлина на дежурстве.

– И я, матушка-княгиня, того же мнения.

– Зови девок, пусть меня разденут. И вот что... спустись-ка во двор да отвори калитку... поняла?

– Как не понять, матушка-княгиня!

– И сразу – ко мне. Книжку дай, пусть сидит, ждет...

Отдав это, самое важное сейчас, распоряжение, княгиня поспешила в малую гостиную.

Особу дамского пола она знала – это была дальняя родственница и воспитанница Авдотьи Тимофеевны Егуновой, Наталья, девица молчаливая, норовистая и при том богомольная, без всякой склонности к девичьим утехам – как запрется в своей комнате с душеполезными книжками, так не дозовешься, а как выпросится в храм Божий, так и выберет тот, где службы самые длинные, по пять, по шесть часов там пропадает. Сейчас она сидела за карточным столиком и глядела на разложенные карты с истинной ненавистью. Одевала ее Авдотья, впрочем, прекрасно – все надеялась, что сыщется жених. Но женихи этакое сокровище за семь верст обходили.

Сама госпожа Егунова, дама лет тридцати семи, а на вид – чуть ли не сорока пяти, лежала на диванчике, но не спала – услышав стук княгининых каблучков, приподнялась на локте.

– Лизетта, я уж не чаяла дождаться! – воскликнула она. – Присядь сюда, Лиза, послушай, я что выдумала – для Катеньки нужно взять женщину из воспитательного дома. Там надзирательницы опытные, а я приличное жалованье положу. Ты хороша с господином Бецким – пусть велит выбрать мне опрятную, добросердечную, и тогда мы поселим их вдвоем в Царском Селе, чтобы удобно было навещать...

– Утомонись, Авдотья, – отвечала на это княгиня. – Тебе вредно беспокоиться, а ты все что-то выдумываешь. Пусть сперва ее привезут, тогда поглядим. Может, она и не безнадежна.

– Она, голубка моя, и по-русски-то, я чай, ни словечка не знает...

– погоди, сейчас девки меня расшнуруют.

Но гостья не унималась.

– Дня три всего осталось, или четыре, если от дождя дорогу развезет. Я узнавала – до Митавы верст семьсот. А Бергман обещал поторопиться. Что, коли они быстро управятся? Что, коли уж завтра Катеньку привезут?

Княгиня только вздохнула.

Госпожа Егунова была отдана замуж шестнадцати лет за человека чуть не вчетверо ее старше. Казалось бы, молодая жена, проникнувшись отвращением к старому супругу, вскоре заведет себе амантов в должном количестве. Однако они подружились, Артемий Петрович баловал и ласкал свою Дунюшку, ни в чем ей не делая отказа, звал своей пышечкой и пампушечкой, своим жирненьким купидончиком, и страстно желал, чтобы она ему нарожала детей. Первая его супруга оказалась бездетной, вторая принесла в приданое какую-то загадочную хворь – младенцы рождались, да не заживались на свете. Артемий Петрович, глядя на кругленькую и румяную жену, надеялся, что эта родит здоровых малюток. Он не хотел оставлять свое огромное богатство зловерной родне.

В девятнадцать лет Авдотья Тимофеевна родила дочку. Радость в доме была невозможная – все говорили втихомолку, что грешно так радоваться. И точно – не к добру вышло, годовалое дитя пропало. Несколько дней спустя в особняк Егуновых было доставлено гнусное письмо: коли не станете выдавать ежемесячно некоторую сумму, то дитя к вам вернется – мертвым. Артемия Петровича разбил удар. С большим трудом распорядился он исполнить просьбу похитителей.

Полиция сбилась с ног, но выследить, куда переправляются деньги, сыщикам не удалось. Казалось бы, чего уж проще – сверток с монетами оставляется вечера на паперти известного храма, причем главное условие – что деньги должны быть замотаны в холстину. Вокруг храма спрятаны соглядатаи, они не спят до утра, а наутро свертка-то и нет! Или, ежели возле него

ставится фонарь, сверток остается на месте, зато приходит гневное послание с угрозой, что дитя и трех дней не проживет, коли Егуновы вздумают устраивать ловушки.

Впоследствии докопались до правды – деньги забирала ученая обезьяна, приходившая по верхушкам деревьев. Зимой злоумышленники ее наряжали в черный теплый кафтанчик и штаны.

Авдотья Тимофеевна выхаживала больного мужа и страстно мечтала о другом ребенке, но это было невозможно. В свете она бывала редко, еще больше раздалась вширь, подурнела, да еще прицепилась к ней сердечная хворь – вдруг как забьется, как затрепещет, и вот уж дышать нечем. Так прошло около пятнадцати лет. Наконец Артемий Петрович умер. Когда прочитали завещание, оказалось, что большая часть его богатств оставлена дочери, буде дочь найдется – то опекуницей при ней быть Авдотье Тимофеевне и распоряжаться деньгами по своему усмотрению. А буде не найдется – то пусть уж имуществом распоряжается жена до самой своей смерти, как ей угодно. Родне же – шиш с маслом: которому – табакерка, которому – мебель с чердака.

В сущности, госпожа Егунова осталась богатой вдовой и могла бы уже согласиться на второй брак. Но она отвыкла быть женой, а привыкла быть сиделкой. В этом нашла она свое призвание – и то, что для других матерей стало бы неизбывным горем, ей казалось радостью: она уже мечтала возиться с беспомощной дочерью, учить ее, праздновать крошечные успехи.

А вот княгиня Темрюкова-Черкасская, три года назад овдовевшая, не представляла жизни своей без мужского внимания. Оба ее сына уже служили, делали карьеру, не требовали ежедневной заботы, и она полагала еще немного побыть красавицей на выданье, общей любимицей, а потом вступить в законный брак с достойным человеком. Ей уж и государыня изволила намекать, что сама посватает и на свадьбе у нее спляшет русскую, как же отказаться?

С самого того дня, как за немалые деньги Авдотья Тимофеевна вызнала наконец, куда увезли ее единственную дочь, украденную из колыбели еще младенцем, от нее спасу не было – о том лишь и толковала. Помог в этом деле надежный человек, которого по просьбе княгини предоставил ей петербургский генерал-полицмейстер Чичерин; это был именно тот, кто мог тайно побывать в Курляндии и собрать все сведения, потому что сам происходил из тех краев. Звали его Августом Бергманом, он служил в полиции со времен Девиера и уже тогда был далеко не юноша. Сейчас, выйдя в отставку, он брался выполнять всякие заковыристые поручения.

Когда Бергман вернулся и доложил, что похищенное дитя живет под Добельном в небольшой усадьбе и содержится взаперти из-за помутненного сознания, так что даже соседи ничего о девице не знают, слез пролилось много. Княгиня насилу уговорила подругу не мчаться самой в Курляндию. Но Авдотья Тимофеевна твердо решила забрать к себе дочь и командировала в эту экспедицию Бергмана и еще четырех молодцов, которых он ей представил и за честность их поручился.

Теперь она ждала их с огромным нетерпением и даже сама немного тронулась рассудком от этого ожидания. Княгиня, которую происхождение и положение обязывали постоянно бывать при дворе, уж не знала, как быть – она приезжала довольно поздно, на следующий день должна была появляться хотя бы к обеду, свежей и причесанной к лицу, да и на ночь у нее имелись свои планы. Однако оставалось всего несколько дней потерпеть – и она смирилась.

– Что ты предпримешь, когда Катеньку привезут? – спросила княгиня. – Будешь ли преследовать своих злодеев? Ведь сколько денег они у тебя и у покойного Артемия Петровича вытянули!

– Преследовать надо, – неуверенно ответила подруга и пожала полными плечиками. – Непременно надо, и я государыне в ноги брошусь... их надобно судить – и в Шлиссельбург!.. Вот погляди – не из-за них ли?

Она приподняла кружевную наколку и показала княгине седину на виске.

– Я знаю тебя, ты это дело не доведешь до конца.

– Доведу.

– Ты добьешься, что исполнителей покарают, мелкую сошку, а до главного затейника не доберешься.

– Доберусь, мне бы лишь поскорее Катеньку вернуть и спрятать!

Княгиня не поверила. Лишь головой покачала. Сама она, поместив найденное дитя в безопасное место, объявила бы злодеям войну и не уgomонилась бы, пока не узнала, что они благополучно доставлены в Нерчинские рудники и добывают там свинец с серебром на пользу Российского государства.

– Лизанька, – сказала Егунова. – Ты о чем задумалась?

Княгиня стояла перед ней, как статуя, вокруг платья и прически хлопотали девки, отцепляли ленты, распускали шнуровку; наконец, они спустили платье к княгининым ногам, и она осталась в ослабленном лифе и фижмах поверх тонкой сорочки. Перешагнув через платье, она позволила надеть на себя шлафрок, села в кресло, и ловкие руки хлопотали над ее волосами, бережно вытягивая и расчесывая напудренные пряди, убирая их назад. Заспанная девчонка, стоя рядом, держала на вытянутых руках большой батистовый чепец с рюшами и лентами – Боже упаси помять!

– Я думаю, что пора тебя уложить, голубчик мой. И Наташу также.

Наталя все это время сидела за карточным столом, читая крошечную книжечку в черном переплете – надо полагать, молитвослов. Она лишь сделала реверанс, когда вошла княгиня и ни единого слова не произнесла.

– Беда с Наташей, – ответила Авдотья Тимофеевна. – Белиться и румяниться не желает, а ты погляди – ведь черна, как арап! Может, и впрямь отпустить к матушкам в обитель?

Воспитанница и впрямь была смугловата, да ведь белокожая брюнетка – большая редкость. А у нее ненапудренные волосы, судя по треугольничку надо лбом, видные из-под чепчика, были черны, как вороново крыло. Брови же наводили на воспоминания о давней моде – приклеивать над глазами кусочки мышиной шкурки, вымазанные сурьмой, так они были черны и густы. Глаза Наташе полагалось бы иметь темно-карие или черные, многие думали, будто так оно и есть. Только Авдотья Тимофеевна, растившая сиротку уже десять лет, знала, что эти глаза – темно-серые, удивительного свойства, они могли быть и бархатными, и стальными.

– Я на нее, помнишь, карты раскидывала, так нет там обители, а есть трефовый король со своей любовью и семейный дом, – сказала княгиня. – Это кого еще черт несет?

Уверенные шаги приближались – кто-то, обутый в сапоги, почти бежал по паркету; наконец ворвался, встал в дверях, быстро поклонился, выпрямился и громко вздохнул, переводя дух.

– Ты, Громов? Что стряслось? Петруша?.. – княгиня вскочила.

– Ничего, ваше сиятельство, ранен в руку, пустяки, только жилу повредили, крови много потерял, – ответил, чуть заикаясь, молодой офицер-преображенец. – Мы перевязали. Другая беда – он, кажись, риваля своего заколол. Я его сюда привез – что прикажете делать?

– Ах, Боже мой! – воскликнула Авдотья Тимофеевна. – Велите его нести сюда, за доктором пошлите!..

Наташа вытянулась в струнку, подалась вперед, словно боясь упустить хоть слово.

– Не пори горячки! – прикрикнула на нее княгиня. – Кто риваль?

– Измайловец, немчик, курляндец... Самый из всех злоязычный!.. Вот что плохо – его товарищ в казармы побежал... Дрались при свечах, он сдуру решил, что свет поделили не поровну, что удар был предательский, исподтишка, не следовало пользоваться преимуществом... а свет как раз поровну поделили!..

– У девок были?

Громов ничего не ответил.

– Черт бы побрал этих курляндцев!

Измайловский полк в российской гвардии был особенный.

Еще когда сорок лет назад возвели на престол государыню Анну Иоанновну, гвардия этого события не поняла. Семеновцы и преображенцы были в недоумении, о любви и речи быть не могло, и царица это отлично знала. Ей даже приходило на ум, что неплохо бы эти два полка распустить, офицеров и солдат растолкать по гарнизонам, но умные люди внушили, что делать это не следует. Тогда Анна Иоанновна в противовес старой гвардии решила по совету мудрого Миниха создать новую – ровно в том же количестве, два полка, а назвать их – Измайловский и Конный. Измайловский был собран по образцу Семеновского, из одной гренадерской роты и двенадцати фузилерных, а офицеров набрали из остзейских немцев – лифляндцев и эстляндцев, но главным образом курляндцев – прожив в Курляндии чуть ли не двадцать лет, она тамошнее дворянство узнала и с ним поладила, она вслед за Анной Иоанновной и по ее призыву охотно поехала в Санкт-Петербург...

Измайловский полк был неким гвардейским Вавилоном – туда и прочих иноземцев охотно брали, первым командиром стал сформировавший полк лифляндец Левенвольд, а его помощником государыня назначила шотландца Кейта. Немудрено, что измайловцы и много лет спустя считались не столько своими, сколько некими временными союзниками, а ссоры между гвардейцами приводили к дуэлям еще и по такой причине: среди офицеров, что приехали из маленьких немецких княжеств, было немало студентов-недоучек, а быт студента в германском университетском городке состоял не столько из лекций, сколько из пирушек и поединков. Эту славную традицию они привезли с собой, и она стала укореняться в гвардии, невзирая на недовольство сперва Анны Иоанновны, затем Елизаветы Петровны и, наконец, ныне царствующей Екатерины Алексеевны.

Государыня понимала, что в деле защиты чести дамские понятия неуместны, однако в случае, когда один из противников бывал убит, наказывала второго строго. Отсюда и сильное беспокойство княгини Темрюковой-Черкасской.

– Слушай, Громов, – сказала она. – Его тут оставлять нельзя. Ты ведь его в экипаже привез?

– В экипаже, ваше сиятельство.

– Поезжай с ним немедля в Царское Село. Авдотья, растолкуй, где там твой дом... или пошли с ними своего лакея проводником! Так оно умнее будет! В Царском Селе курляндцы его искать не догадаются, а я к государыне поеду, и если обошлось – сумею ее улестить! Два дня на меня дуться будет, потом, Бог даст, отойдет, она отходчива.

– Как прикажете, ваше сиятельство. Но коли немчик не выживет...

– Тогда и тебе достанется. Сиди в Царском Селе, носу оттуда не кажи! И дурня моего не выпускай. Я к твоему начальству сама поеду. Постой! Ты тоже дрался? Не смей врать!

– Дрался, ваше сиятельство. Да я-то что? Я своего поцарапал лишь, а сам – цел.

– Деньги есть? Да что это я! Какие деньги, если от девок приехал! Ирина Петровна, неси мою шкатулку, ту, черепаховую! – приказала княгиня. – И вели живо собрать чемодан – простыни, исподнее, мой несессер дорожный туда же! Где это было, что за девки?

– За Исаакием, там, где новый собор возводят и уже яму вырыли, там в переулке сводня... – немного смутившись, ответил офицер.

– Как ее сыскать? Я туда спозаранку своего человека пошлю, чтоб дуры лишнего не наболтали.

– Ей уж уплачено! Да она сама курляндцев невлюбила!

– Тем лучше. По дороге заедешь к моему Францу Осиповичу... ты по-немецки знаешь?

– Довольно, чтобы посадить его в экипаж.

– Скажи ему – я за все заплачу. Лишь бы только проклятый курляндец остался жив!

Авдотья Тимофеевна глядела на княгиню с ужасом – у женщины сын ранен, а она не в обмороке и слезами не изошла! И не мчится вниз, не припадает с рыданиями к коленям сына! Диво, диво!

А вот Наташа глядела на Громова – да и немудрено, преображенец был очень хорош собой, высок и статен, несколько смахивал на многолетнего фаворита государыни, с которым теперь она пыталась окончательно порвать. Тот тоже с виду – Геркулес, лик – дивной красоты... Впрочем, громовская физиономия была суше, строже и с некоторой неправильностью черт, придававшей особое очарование, – именно такова, чтобы влюбиться без памяти...

– Вы, ваше сиятельство, разузнайте...

– Не дура! Мог бы и не говорить! Петрушке скажи – его счастье, что ко мне сюда не поднялся, надавала бы оплеух! Невзирая что раненый! А ты... ты друг истинный, я знаю. И за твое добро к дураку Петрушке отплачу.

– Не ради платы!..

– Молчи. Я – мать, от меня принять не стыдно. Ты, я чай, последнее из карманов wygrеб, чтобы девкам рты позатыкать. Да долго ли мне ждать?!

Вбежала Ирина Петровна со шкатулкой, и княгиня высыпала три пригоршни золотых монет прямо в карман гвардейского мундира, приговаривая:

– Молчи, молчи, перечить мне не смей!

Чемодан был собран едва ли не мгновенно, егуновский лакей получил от изумленной хозяйки наставление, более медлить было незачем.

– А теперь ступай... стой!.. – воскликнула княгиня, подошла вплотную и перекрестила преображенца.

– Теперь – ступай.

Выпроводив офицера, она подошла к диванчику и присела рядом с госпожой Егуновой. Та от волнения тихонько плакала.

– Вот так-то, Авдотьюшка, с детьми... Ты не плачь, тебе вредно плакать. Поправится – женью дуралея! Пока по девкам не избегался да самого не закололи...

– Хорошо, товарищ у него догадливый, – заметила, утирая глаза, Авдотья Тимофеевна.

– Громов-то? А что, ведь и лицом хорош, а? Что скажешь? Только денег нет, одно жалование. А служить в преображенцах – дорого выходит... Ведь полюбился он тебе?

– Полюбился, Лизанька. Сейчас видно человека доброго и порядочного.

– Коли твоя Катя не совсем безнадежна... разумеешь?... Лучше такое приданое отдать нищему, да честному. Ты ведь понимаешь, что к Кате всякая сволочь свататься понабежит?

– Не захочет он взять мою Катеньку.

– погоди, погоди... мы ведь ее еще не видали... Может, все не так уж скверно. А я бы хотела ему помочь.

– И тебе полюбился?

Княгиня задумалась.

– Знаешь, вокруг меня многие вьются, есть из кого выбирать. А на этого гляжу – просто сердце тихо радуется оттого, что так хорош душой и всей фигурой. Плоть молчит, а сердце радуется... как в раю, право!

Наташа улыбнулась. Она прекрасно поняла княгиню – у самой то же чувство родилось.

Но этой улыбки никто не заметил.

– Время позднее, Авдотьюшка, я устала – сил нет, – несколько торопливо сказала княгиня. – Я распрягать не велела – коли хочешь, оставайся у меня с Наташей, уложу в парадной спальне, а нет – мой Андрюшка домой с ветерком доставит. Я же на ногах не держусь, того гляди, засну стоя, как кобыла. А утром к тебе приеду на пироги, вдругорядь все переговорим.

Она обменялась взглядом с Наташей.

– Поедем домой, матушка Авдотья Тимофеевна, – сказала девушка. – Поедем, право! Я бы с утра на службу побежала, а тут – я и не знаю, где храм Божий...

Княгиня подумала, что после возвращения Катеньки Авдотье будет не до Наташи, и положила себе посоветоваться с Ириной Петровной – забрать ли девушку к себе, приискать ли ей жениха и поскорее отдать замуж. Наташа сообразительна – отчего бы и не держать такую в компаньонках? Лишь бы не чересчур сообразительна...

Проводив любезную подругу до крыльца, она пошла к себе в спальню – не парадную, а другую, в которой все было устроено и красиво, и разумно, а главное – имелась потайная витая лесенка, очень полезная для некоторых дел. Там Ирина Петровна уже приготовила все необходимое – поднос с заедками, вино и бокалы на прикроватном столике, мужской шлафрок.

Сердечный друг, с которым сегодня обменялись тайным знаком, сидел в кресле, читал книжку – Вольтерова «Кандида» в русском перекладе; читал и посмеивался. На то книга и была куплена, чтобы вволю повеселиться, – княгиня не верила, что русские борзописцы сумеют перевести французский роман складно и без глупостей. Сама она знала французский отменно, сердечный друг – не хуже, и амурные их свидания были совершенно парижские – русская речь звучала редко и более для смеха.

Он повернулся, увидел любовницу и встал.

Княгиня улыбалась – он нравился ей безумно. Десять лет разницы в возрасте ее не смущали – ей сорок два, и где сказано, что непременно нужно сходиться с ровесником? Ровесники, поди, уже маются подагрой и еле таскают толстое брюхо – как покойный супруг. А она стройна, легка, и грудь у нее совершенно девичья, хотя родила троих.

– Дени, друг мой, – сказала она. – Прости, никак не могла отвязаться от госпожи Егуновой. Чем ближе час встречи с дочкой – тем она сумасброднее.

– Лизетта, друг мой, – отвечал он, – ты платишь за свое доброе сердце. Ведь лишь с тобой она советуется об этом странном деле.

– О да, другим она не доверяет. Когда живешь уединенно, поневоле становишься боязливой и недоверчивой...

Больше княгиня не произнесла ни слова.

Он совершенно не был похож на преображенца Громова – он вызывал совсем иные чувства, этот Дени (звать его по-русски Денисом она не желала). Он был воплощенным желанием тела – а Громов, высокий и статный, тела словно бы не имел вовсе, по крайней мере, для княгини. Если бы выбор сделала ее душа – то, несомненно, в пользу преображенца. Но выбор был доверен телу...

Глава 3. Путешествие обезьянки (часть первая)

Эрика удобно устроилась в дормезе – Михаэль-Мишка, поместившись туда с ней, сразу же достал теплое меховое одеяло и по-немецки упросил ее лечь. Она, помня, чью роль играет, сперва не понимала, и лишь когда он догадался, уже в полном отчаянии, запеть по-русски «баю-баюшки-баю» и изобразить спящее дитя с ладошками под щекой, соблаговолила послушаться.

Каждый удар конских копыт о сухую дорогу означал – ненавистный барон фон Опперман дальше еще на два шага... на четыре... на шесть...

А церковь, в которой повенчают с Валентином, все ближе, ближе, ближе!

Эрика невольно улыбнулась – все-таки она добилась своего, она едет к жениху! Пусть в одной рубаше с чужого плеча, пусть под чужим именем – но едет. Все это – мелочи по сравнению с ненавистным бароном. И вот сидит напротив, завернувшись в плащ, замечательный человек по имени Михаэль, который будет о ней заботиться до самой российской столицы. Замечательный – потому что и пальцем к ней не прикоснулся, хотя она далеко не уродина. Много ли найдется мужчин, которые наедине с прехорошенькой восемнадцатилетней девицей не совершат покушения, тем более что девица – малость не в своем рассудке и ничего не разболтает?

Теперь главное было – молчать, молчать и еще раз молчать. Скрывать рассудок, показывать видимость бессловесного и безмозглого существа.

Добельн проехали, не останавливаясь, а в Митаву прибыли утром.

Эрика в конце концов задремала и даже видела какие-то невнятные сны. Проснулась она от прикосновения, открыла глаза – и едва не спросила:

– О мой Бог, где это я?

Ее разбудил Михаэль-Мишка. И сделал это очень разумно – прямо перед носом Эрика увидела большой пумперникель, чуть ли не на полфунта, и это был хороший пумперникель – ароматный и бугрящийся от замешанных в тесто лесных орехов.

Она приподнялась на локте. Михаэль-Мишка сразу убрал гостинец подальше. Тогда Эрика села, кутаясь в одеяло. Михаэль-Мишка встал и отступил к дверце дормеза, держа пумперникель перед собой. Эрика догадалась – это он пытался выманить подопечную из кареты без лишнего шума.

Балуясь, она попыталась выхватить из его руки лакомство, но Михаэль-Мишка был ловок. Дразня Эрику гостинчиком, он что-то крикнул по-русски, и дверца экипажа отворилась.

Внизу стоял его молчаливый спутник, чьей фамилии Эрика еще не запомнила. Михаэль-Мишка соскочил к нему и опять помахал пумперникелем. Эрика, одной рукой придерживая на груди одеяло, другой ухватилась за стенку дормеза и поставила на ступеньку босую ногу. Тут же она взлетела в воздух и опустилась наземь, не успев даже вскрикнуть – это спутник Михаэля-Мишки легко извлек ее из кареты.

Было теплое августовское утро, тем более радостное для Эрики, что она душой уже была со своим Валентином.

Дормез, на котором ее привезли, был благоразумно остановлен не у главного входа корчмы, а возле ворот конюшни, которая составляла с корчмой одно здание – крыша у них была общая.

Михаэль-Мишка дал наконец Эрике пумперникель и куда-то отправил своего спутника. Эрика грызла гостинец и оглядывалась по сторонам. Ей доводилось бывать в Митаве, но корчму она видела впервые. Нелепо останавливаться в корчме, имея богатую родню, да и сестра вышла замуж за господина, которому принадлежал хороший дом с садом на берегу Курляндской Аа.

Молчаливый господин привел женщину средних лет, одетую на немецкий лад, и эта женщина ласково, как с ребенком, заговорила с Эрикой, предлагая ей пойти в комнату, где много лакомств. Она принесла новые пантуфли – женские, но немалого размера, – и сама надела их на босые ноги. Эрика вспомнила, что ей полагается невнятно бормотать, и произнесла несколько слов из французского учебника, но так, что их бы ни один француз не опознал.

Комната, где ее кормили завтраком, была наверху. Женщина (Михаэль-Мишка звал ее фрау Гертой и разговаривал с ней на дурном немецком) пыталась кормить Эрику пшенной кашей с ложки, как дитя, но тут уж девушка не выдержала, ложку отняла и поела сама. Потом она бросила ложку на пол и засмеялась. Дядюшка фон Гаккельн одобрил бы это театральное зрелище.

– Она не безнадежна, – сказал по-немецки Михаэль-Мишка. – И у нее веселый нрав. Сейчас, фрау, попытайтесь надеть на нее платье. Иначе придется везти в одной рубашке, а это вызовет лишние вопросы. Вы развеселите ее, поиграйте с лентами, наденьте ее чепец сперва на свою голову. Она же – как обезьянка, она захочет вас передразнить.

Эрика едва сдержалась – обезьянка, надо же! Сам он, этот белобрысый наглец, – орангутан с острова Борнео!

Как всякая образованная девица на выданье, Эрика хорошо знала географию и могла найти в атласе не только Борнео, но и Мадагаскар, и Камчатку. Более того – она знала, где расположены Тобаго, Тринидад и Гамбия. Да и как не знать, если остров Тобаго чуть ли не тридцать лет назывался Новой Курляндией. Как не знать, если твой родной прадед по материнской линии плывал в тех краях на своем фрегате «Артемида»...

Историю Курляндии Эрика не по книжкам учила – эта история жила в семейных преданиях, о ней свидетельствовали портреты и фамильные драгоценности в ларцах с мудреными замками. Другое дело – что к одна тысяча семьсот семьдесят первому году от Рождества Христова Курляндия растеряла бывшее влияние и былую славу, стала странным государством, из коего умудрился сбежать его собственный законный герцог Петер Бирон и управлял им из-за границы.

Платье, которое приготовили для Эрики, было довольно скромным, желудевого цвета и с розовой отделкой, всего лишь с двумя нижними юбками, но она и такому была рада – не ехать же до самого Санкт-Петербурга в ночной сорочке. Другое дело – переодеться так, чтобы добрая женщина, которую приставили к путешественнице, не заметила под сорочкой пояса с ножом и кошельком. Эрика не позволила к себе прикоснуться, замахала на фрау Герту руками, забормотала невнятно (это были французские неправильные глаголы), а потом подошла к стулу, на котором висело платье, села на пол и стала играть со складками.

Михаэль-Мишка и фрау Герта переглянулись.

– Ну, Бог с ней, пусть привыкнет... хотя нам надо спешить, – сказал Михаэль-Мишка. – Не было бы погони...

Эрику это обстоятельство тоже беспокоило. Родители наверняка послали к старшей сестрице, послали к любезному дядюшке, к прочей родне. Пока вернутся гонцы, пока все окончательно поймут, что невеста сбежала, пожалуй, наступит полдень. Михаэль прав, надо поспешить.

Эрика стала примерять новый чепчик, надевая его вкривь и вкось, потом изучила шнуровку платья. Ее возня была с виду нетороплива, но подгонять девицу с разумом грудного младенца – нелепость, и Михаэль-Мишка пошел прочь. Фрау Герта села к окну с рукоделием, изредка поглядывая на Эрику.

Выждав немного, Эрика накинула на себя платье прямо поверх сорочки и наотрез отказалась снимать. Юбками она решила пренебречь. Когда фрау Герта попыталась стащить с нее платье, Эрика оскалилась и зарычала. Пришлось отступить.

– Едем, – сказал, войдя, Михаэль-Мишка и показал новый пумперникель, такой же большой и блестящий. – Иди сюда, обезьянка моя, иди сюда... будь умницей, обезьянка, и получишь много таких пряников...

Эрика попыталась отнять лакомство, но Михаэль-Мишка поднял пумперникель над головой и отступал к дверям. Его надо было проучить – и Эрика, порядочная кокетка, сообразила, что тут нужно сделать. Без всякого смущения она подошла к своему похитителю, обняла его рукой за шею, а другой – ухватилась за крепкое запястье. Михаэль-Мишка от неожиданности опустил руку – и лишился пумперникеля. Эрика выхватила гостинец с настоящей обезьяньей ловкостью.

– Ах ты чертовка! – воскликнул он. – Фрау Герта, она ведь не дура, совсем не дура!

– Когда такие девицы приходит в возраст, они могут, не смущаясь, гоняться за мужчинами, – отвечала фрау. – Это они прекрасно понимают.

Возмущенная Эрика запустила в нее пумперникелем.

– Но нам именно это и требуется, – сказал Михаэль-Мишка. – Мало ее выдать замуж, нужно, чтобы она родила. Как же быть? Нужно ее усадить в экипаж...

– А как с ней обращались в доме, где она выросла? – разумно спросила фрау Герта. – Может быть, она знает какие-то слова? Понимает, когда ей приказывают?

Михаэль-Мишка пожал плечами – он, затевая похищение, меньше всего беспокоился, как будет разговаривать с пленницей. Фрау Герту он нанял, зная, что она вырастила собственную дочь, обделенную рассудком, и полагал, будто все несчастные, с кем стряслась эта беда, одинаковы.

Сжалившись над Михаэлем-Мишкой, Эрика одернула на себе юбку и решительно пошла к двери. Догнали ее уже во дворе – она стояла под яблоней и пыталась достать краснобокое яблоко.

– Нет, она не дура, – повторил Михаэль-Мишка. – Она... она – простодушная. А говорить выучится. Ее, наверно, плохо учили – а мы ей толковых учителей найдем! Держи, обезьянка!

Он сорвал яблоко и отдал Эрике.

– Дай, – сказала она очень разборчиво. – Дай-дай-дай...

– Ну вот же – все понимает! Она еще какие-то слова знает, нужно все перепробовать!

И тут Эрика посмотрела ему в глаза.

Она совершенно не желала этого взгляда. Все получилось само – и она изумилась необычной синеве, той самой, которую до сих пор видела только в баночке с акварельной краской ультрамаринового цвета.

Девушку из немецкого семейства, выросшую в Курляндии, не удивить светлыми, почти белыми волосами, в которых на солнце гуляют легкие золотинки, и синими глазами ее не удивить, и острой мордочкой хищного зверька в человеческом образе, мордочкой без возраста, вот разве что бледность Михаэля-Мишки показалась странной – блондину приличествует румянец. Но курляндскому блондину и округлые щеки приличествуют, и пухлые розовые губы. А у этого лицо было – как выточенное из полупрозрачного алебастра, едва ли не голубоватого. И рот – до ушей.

Михаэль-Мишка что-то сказал по-русски, и вид у него был озадаченный. Тут, к счастью, появился его молчаливый спутник – и путешествие продолжилось, только в дормезе вместо Михаэля-Мишки с Эрикой сидела фрау Герта.

Эрике случалось бывать в Риге, и она знала, как проезжают таможеню. Чтобы облегчить Михаэлю-Мишке задачу, она притворилась спящей. Какие бумаги он показывал, приплатил ли что-то для сохранения тайны, или же подгадал так, чтобы попасть к знакомому таможенному досмотрщику, – Эрика не знала.

Завернувшись в меховое одеяло, она въехала в Российскую империю, но менее всего думала о делах государственных – она представляла себе, как встретится с Валентином.

Они были хорошей парой – оба живые, бойкие, норовистые, но друг с дружкой наедине готовые на уступки. Они и по возрасту подходили отменно – пять лет разницы. И по росту – Валентин был на полголовы повыше Эрики. И даже по цвету волос – у Валентина они были темные, немного вьющиеся, но не черные, а скорее – как соболинный мех. Эрика уже мысленно приглашала художника для первого семейного портрета – в Санкт-Петербурге должны быть хорошие художники, а не заезжие мазилы. Она видела у знакомых образцовый портрет – сад, кавалер сидит на низкой дерновой скамье, склоняясь к даме, а дама – на траве, роскошно раскинув шелковые юбки, и тянется к кавалеру – может, сказать что-то любезное, а может, для поцелуя, и лица их совсем близко.

Дормез уже катил по дамбе, соединявшей Клюверсхольм с левым берегом Двины. Дальше был наплавной мост, а на том берегу – Рижская крепость. Эрика сделала вид, будто просыпается, и выглянула в окошко. Вся река кишмя кишела судами – от маленьких лодочек и низких стругов до трехмачтовых красавцев. Летом это было обычное зрелище. Дормез неторопливо выехал на правый берег, и Эрика улыбнулась – уж если между ней и проклятым бароном легла такая преграда, как широкая река, значит, не будет больше ни единой встречи!

Дормез и всадники, его сопровождавшие, повернули направо, по маленькому мостику перебрались на ту сторону Карловской заводи и вскоре оказались напротив Карловского рavelина, прикрывавшего городские ворота. Въехать в них можно было только через узкую зигзаговидную дорожку через ров и рavelин.

Оказавшись в крепости, Михаэль-Мишка первым делом велел ехать к почтамту, который был в двух шагах от Карловских ворот. Там дормез остановился, всадники спешили и пошли узнавать, нет ли на их имя писем. Говорили они между собой по-русски, и Эрика была бы сильно озадачена, услышав их речи.

– Хорошо бы сухая погода продержалась еще недели полторы, – сказал обычно молчаливый спутник Михаэля-Мишки. – Как раз бы доехали до Москвы, а там уж пусть льет.

– С Божьей помощью, Воротынский, – отвечал Михаэль-Мишка. – А что – ведь не оставляет нас Господь своей заботой! Все могло быть куда хуже! А вот управились – да и как ловко управились!

– Типун те на язык, Нечаев. Вот как доведем и сдадим с рук на руки, тогда и скажем: управились! – одернул его Воротынский, который был и старше, и куда опытнее. – Бергман не дурак. Сегодня, я чай, еще будут обшаривать все окрестные кусты и овраги, а завтра догадуются, что дело неладно.

– Но Божья помощь нам в этом деле была, сам знаешь. Как бы иначе мы разведали, что дура-девка сбежала из своей комнаты? А потом – кто, как не Господь, привел ее к мызе Гаккельна? Это не случайно совпало, Воротынский, это – знак!

– Ты, Нечаев, на своих знаках совсем помешался... Гляди-ка!..

– Ого! Вот кого не чаял тут видеть! – и Михаэль-Мишка побежал навстречу господину, вышедшему из дверей почтамта, с криком: – Эй, Пушкин, Пушкин!

Господин, уже повернувший на Господскую улицу, Херренштрассе, остановился. Плечи его вздернулись, как будто он ожидал удара плетью по спине. И удар был, да только ладонью. Он обернулся.

– Ну, не диво ли, что мы, расставшись в Москве, встретились здесь? – спросил Михаэль-Мишка. – Каким ветром тебя, сударь, сюда занесло?

– А ты, Нечаев, что тут позабыл? – вопросом же отвечал Пушкин. – Ты и вообразить не можешь, как я тебе рад, просидевши в этой проклятой крепости два месяца! Колбасники мне осточертели, от немецкой речи у меня уж делаются ваперы в голове и несварение в желудке.

– Так я буду говорить с тобой, пока ты сам не велишь замолчать! Со мной тут приятель мой, Воротынский, знаешь Воротынского?

– Припоминаю, хотя с трудом. Но какого черта ты залетел в эту глушь?

– А ты?

Прохожие, которых на этой улице было немало (она вела от Карловских ворот к Ратушной площади, главному, с точки зрения рижан, месту в крепости), поглядывали на эту пару неодобрительно. Русской речи, по их разумению, место было в Цитадели и в Рижском замке, да и там все больше немецкая звучала.

– Я никак не могу выехать за границу, – пожаловался Пушкин. – Неведомо отчего, мне никак не пришлют паспорта. Скоро два месяца, как я тут обретаюсь и хожу на почтамт так, как канцелярист на службу, – каждый день!

– Позволь... – тут лишь Михаэль-Мишка обратил внимание, что приятель его одет в простой кафтан. – Ты же преображенец! В последний раз, как мы встречались, ты был чуть ли не капитан-поручиком! Какого черта подал ты в отставку?

– Я болен, Нечаев, я не на шутку болен, – отвечал Пушкин. – Мне доктора велели ехать на воды в Спа. Сказывают, там чуть ли не мертвых из могилы поднимают.

На больного, впрочем, этот господин совершенно не был похож. Он не отошал и не раздался вширь, а имел точно такое телосложение, какое приличествует гвардейцу, наезднику и фехтовальщику, возрастом чуть более тридцати лет. Цвет лица тоже был обыкновенный, взгляд темных глаз – живой и бойкий, улыбка – обаятельная.

– Да что с тобой за хворь приключилась?

– Ослабли желудочные фибры, – с неожиданной мрачностью и очень весомо произнес Пушкин. – И приключаются желчные колики. От всего сего даже ноги опухают, а это уж вовсе стыд и срам. Вообрази кавалера моих лет, у которого штиблеты на ногах не сходятся из-за опухоли! Доктора мои сказали: коли хочешь, сударь, еще послужить в гвардии, сейчас же просись либо в отпуск, либо вовсе в отставку и езжай лечиться, иначе доживешь до водянки!

Михаэль-Мишка, услышав эти страсти, даже рот приоткрыл. Он словно бы примерил водянку на себе со всеми ее прелестями – и ужаснулся.

– Ничего, Пушкин, в Спа отопьешься водами, как покойный государь Петр Алексеевич, вернешься здоровый! – пообещал он. – Там, сказывают, разные источники, и каждый – от своей хвори.

– Там, сказывают, жить негде. И лишь недавно хорошую дорогу от Льежа к Спа проложили. Гордишко невелик, но!..

– Но там лучшее общество собирается! – продолжил Михаэль-Мишка. – Ты ведь не женат? Гляди, подвернется французская графиня – так не зевай!

Пушкин усмехнулся.

– От графинь бегать не стану, тем более что доктора мне прописали вести там, на водах, светскую жизнь – конные прогулки, ходьбу и чуть ли не спать на открытом воздухе. Там и в карты, поди, не в гостиных играют, а на лужайках...

– Зато отведаешь знаменитых бисквитов с корицей. Потом отпишешь, точно ли они так хороши.

– Непременно отпишу. А ты-то как сюда попал?

– Исполняю некоторую комиссию. Нужно кое-кого тут встретить и с тем человеком ехать в Москву, – туманно объяснил Михаэль-Мишка.

– В Москву?

– Да. А что ты так на меня глядишь?

– Так ты совсем новостей не знаешь! – воскликнул Пушкин. – Давно ли ты из столицы?

Михаэль-Мишка задумался, считая дни. Получалось около двух недель. И следовало учесть, что они с Воротынским по дороге в Добельн старались не заводить лишних знакомств, беседовали главным образом друг с другом да еще с тем таможенным чиновником, который за мзду устроил, чтобы они въехали в Курляндию и выехали из Курляндии без соблюдения всех формальностей.

– И думать не смей ехать в Москву! Оттуда все бегут, кто только может вырваться, пока не понаставили кордонов.

– Что ты несешь, какие кордоны?

– В Москве чума!

И это было чистой правдой.

Чуму привезли раненные солдаты из Бессарабии – впервые она дала о себе знать в военном госпитале. Врачи подняли тревогу, но Медицинская коллегия им не поверила, да и неудивительно – в коллегии всем заправляли немецкие доктора, а в госпитале трудились русские, вот их грызня и дала себя знать. В итоге чума, дама легкая на подъем и подвижная, перескочила через госпитальные стены и для начала навела свои порядки на Большом суконном дворе, что в Замоскворечье у Каменного моста. Мастеровые, поняв, что дело неладно, разбежались и разнесли заразу по всему городу. Тогда только стали жечь костры в надежде отпугнуть чуму дымом и ударили в набат – с той же целью.

– Черт знает что! – в расстройстве чувств брякнул Михаэль-Мишка, услышав такую гнусную новость. – Как же быть-то?

– Там по тысяче в день мрет, – усугубил Пушкин. – А мне-то каково? Я ведь про брата не известен – выехал он, не выехал? Вот, опять письма не было. А ему и надо убираться прочь – с чумой шутить не след, и формально нельзя по должности – хотя, сдается мне, вся Мануфактур-коллегия давно разбежалась. Хоть бы жену с младенцем догадался отправить в подмосковную или в столицу! Так-то, Нечаев. Приходи ко мне в трактир, хоть за картишками развеемся...

– Может статья, меня на почтамте письмо ждет, – отвечал Михаэль-Мишка, – и мне придется куда-то дальше ехать. А в каком трактире ты стоишь?

– Я в предместье поселился. Как ехать от крепости по Большой Песочной, будет по левую руку деревянная церквушка. Ты, к ней поворота, увидишь, где извозчики собираются, и там подальше будет трактир. Заходи, право, мы с моим мусью совсем истосковались.

– А что за мусью? – полюбопытствовал Михаэль-Мишка.

– Занятный мусью, к себе в отечество возвращается. Ты когда-либо видал французского попа-расстригу?

Михаэль-Мишка рассмеялся.

– Где ж ты его подобрал?

– На почтамте. Он тоже паспорта ждет. Звать его – Бротар. Парижанин, умница, любезник и фронт. Думал, в России молочные реки да кисельные берега. Приехал, лет пять прожил – и затосковал.

– Да оно и понятно – как не тосковать по Парижу. Так ты приходи, Нечаев. Сыграем для развлечения.

– Я, Пушкин, зарок дал – карт в руки не брать, – сообщил Михаэль-Мишка. – Они меня уж чуть до беды не довели, вдругорядь легко не отделаюсь.

– Зарок, ишь ты! Ну, так заходи. Мне делать нечего – я днем по бастионам гуляю, а вечером с мусью Бротаром развлекаемся.

– Зайду непременно.

Они распрощались, и сильно огорченный Михаэль-Мишка отправился на почтамт. Как и следовало ожидать, единожды повернувшись к нему задом, Фортуна сей позитуры не изменила – письма из столицы не было. В тяжких размышлениях он вернулся к дормезу, где ждал его Воротынский.

– Вот только чумы нам не доставало! – и товарищ покрыл хворобу в несколько слоев, да еще знатно отполировал. – Как же быть? Куда эту дуру теперь везти?

– Не знаю! И тут с ней оставаться нельзя! Ну как погоня?

– Но и далеко отсюда уезжать нельзя – должно же быть письмо с распоряжениями! Неужто там не понимают, во что мы вляпались?

- Письмо-то быть должно... Может, в том трактире поселиться, где Пушкин стоит?
- Эй, Нечаев, не пори горячки! – одернул товарища Воротынский. – С ним селиться не след, живо тебя втравит в новую пакость. Или ты не знаешь, кто он таков?
- Знаю. Игрок первостатейный. Ты заметил – он уж не в мундире, а в кафтане?
- Как не заметить! Долгонько его преображенцы терпели. Должно быть, последнюю совесть потерял. А что тебе сказал?
- Что по болезни подал в отставку.
- Да на нем пахать можно.
- На воды в Спа собирается...
- Врет.
- Однако куда-то ж надо деваться?
- В трактир, куда ж еще...
- В Московском предместье поселимся, – решил Михаэль-Мишка. – Помнишь, купец сказывал – там-де русские трактиры, немецкого слова не услышишь? Вот туда нам. А я каждый день буду приезжать на почтампт – должно же быть письмо!
- Там нас, пожалуй, искать не станут, – согласился Воротынский. – Но ежели Бергман сообразит, кто вмешался в игру...
- Как ему сообразить? Ему для того надобно вернуться в столицу и расспросить всех, кто имел к этому делу отношение, хоть и малейшее. Нет, в Московском предместье мы будем безопасны. Фрау Герте все равно, где жить и ходить за девкой. А девке – там тем паче все равно! Будем ее кормить пряниками, куклу ей купим, лошадку деревянную, лент всяких – и будет сидеть тихо.
- Они сели на притомившихся коней, объяснили кучеру, что должен следовать за ними, и покинули крепость через Карловские ворота.
- И через четверть часа оказалось, что оба были правы, и Михаэль-Мишка, и Воротынский. Первый – утверждая, что сам Господь им помогает, а второй – беспокоясь, что Бергман, кинувшись в погоню, первым делом станет искать похитителей в Московском предместье.
- Здраво рассудив, что огромный дормез незачем таскать за собой по всему предместью, они оставили его на берегу, меж двумя недавно выстроенными амбарами, и поехали искать себе пристанища. В первом же трактире они и услышали от бабенки с метлой, наводившей порядок у крыльца:
- Ой, а не вас ли, господа хорошие, тот немец домогался? Скачите по Московской, догоняйте своего приятеля!
- С чего ты взяла? – спросил Воротынский.
- А он говорил – двое, один молоденький, беловолосый, другому лет под пятьдесят, и по роже видать, что выпить не дурак! И оба – конные!
- Взял след... – прошептал Михаэль-Мишка. – Надо было поскорее из Митавы убираться, подхватить там нашу фрау – и в Ригу, а не устраивать целую дневку!
- Спасибо тебе, голубушка, – сказал бабенке Воротынский. – Коли вернется – передай ему, что мы будем искать себе приюта у Благовещенского храма.
- И, развернув коня, послал его вперед крупной рысью.
- А что, тут есть Благовещенский храм? – спросил, догнав товарища, Михаэль-Мишка.
- Должен быть. Или тут не русские живут?
- Куда ж нам податься?
- Одну ночь можно и в гостях у Пушкина провести, – решил Воротынский. – А завтра – будет день, будет и пища. Найдем убежище! Бергман ведь не знает, что нам тут ждать письма. Помечется, помечется – и поскачет в столицу с донесением.
- Не только ждать, но и самим отправить... – начал было Михаэль-Мишка.

– Нет. Мы и на почтамт будем кого-нибудь подсылать. Там не ангелы трудятся – за пятак твое письмо Бергману отдадут с превеликой радостью.

– И то верно...

Глава 4. Путешествие обезьянки (часть вторая)

Эрика порядком заскучала в дормезе. Развлекла ее уловка фрау Герты – добрая женщина изготовила из ленты петлю и надела на Эрикину руку, а конец привязала к своей руке, чтобы мирно подремать.

В окошко видна была амбарная стена – и ничего более. Оставалось только придумывать наряд для будущей свадьбы. А это очень увлекательное занятие. Жаль, что драгоценности остались дома, к рыжеватым волосам очень идут старинные изумрудные серьги, подарок бабушки фон Гаккельн, а бабушка их унаследовала от «того самого» фон Гаккельна, который вряд ли купил их за деньги...

Забавно иметь в роду настоящего корсара, подумала Эрика, или флибустьера, или как эти господа называются. На уроках географии, которые давала ей домашняя учительница, образцовая старая дева, таких слов не произносили. Но Эрика отлично знала, что на портретах прадеда – три абордажные сабли. Это не было его официальным гербом, скорее знаком, принятым среди своих. Была история рода, которая предназначалась для всего окружающего мира, и была своя история – в ней водились даже чернокнижники, искатели кладов, изобретатели философского камня. Мистика в Курляндии всегда была в большой моде – вот и в роду Медемов, из которого нынешняя герцогиня, она в большом почете...

Пожалуй, прадед бы одобрил этот побег. Прадед, на портрете – молодой и красивый, причем красоте даже не повредила неопытная кисть бродячего мазила, и он сам, говорят, по амурной части был не промах. И он бы не пожелал иметь в родне барона фон Оппермана. А Валентин бы ему понравился – Валентин пылок и отважен, чуть что – хватается за шпагу...

Дверца дормеза отворилась, связка маковых баранок влетела и шлепнулась прямо на колени Эрике. Михаэль-Мишка улыбнулся во всю ширину своего лягушачьего рта. Вот уж редкий случай – лицо, которому не идет улыбка. Когда этот человек пребывает в задумчивости – черты просто мраморные, точеные, хотя нос тонковат и длинноват. Что-то в этом носу кроется античное, эллинское – историю Древней Греции и Рима Эрика тоже читала и смотрела картинки, срисованные со старинных ваз. Белобрысый эллин... хотя ведь греки, девять лет осаждавшие Трою, кажется, как раз были блондины, если верить Гомеру...

Дормез колыхнулся и повез Эрику, вспоминающую Гомера, и спящую фрау Герту из Московского форштадта в Петербургский. Она поглядывала в окошко, видела деревянные дома, видела скромно одетых людей и недоумевала: это тоже Рига? Раньше она гостила в крепости, бывала на великолепных концертах в Доме Черноголовых, куда ходилась вся рижская знать, весь магистрат. О том, что к востоку и к северу от крепости тоже кто-то живет, она знала – но знала так же, как про африканских пигмеев: бегают по непроходимым лесам маленькие человечки, которые завелись там лишь затем, чтобы учительнице было о чем спрашивать.

Можно было запросто добраться до Большой Песочной, едучи краем эспланады – немало пространства между городским рвом и первыми домами предместий. Но Михаэль-Мишка с его молчаливым товарищем предпочли протащить дормез по узким и ухабистым улицам, по всем лужам от недавнего дождя.

Потом экипаж несколько времени простоял в шумном месте – там у больших поилок собирались извозчики, немцы и русские, ругань стояла невероятная. Эрика подумала – вот такое наверняка звучало на фрегате «Артемиде», когда он сцеплялся с испанским судном и курляндские моряки пускали в ход те самые абордажные сабли. Ее путешествие нравилось ей все больше – когда бы еще девице, живущей в усадьбе, достались баранки с маком?

Дормез тронулся с места, проехал с полсотни шагов, повернул, опасно накренился, протиснулся в какой-то двор, залаял пес, закричала женщина. Оказалось – задавили курицу.

Фрау Герта проснулась, стала зачем-то успокаивать Эрику. Потом Михаэль-Мишка помог им обеим выйти, провел через грязный двор, доставил в комнатку с двумя кроватями. На своем дурном немецком он объяснил фрау Герте, что тут придется прожить по меньшей мере два дня. Женщина осведомилась насчет денег и провианта, Михаэль-Мишка обещал, что за все будет уплачено, а хорошую еду принесут в комнату из трактира. Тогда фрау Герта потребовала новые чулки и туфли для Эрики, умывальный кувшин с тазом, мыло, льняные полотенца и вообще все то, что необходимо опрятным женщинам.

Эрика села на кровать, сбросила с ног пантуфли, рассмеялась. Нужно было проделывать что-то, не дающее усомниться в ее младенческом рассудке, – она выбрала смех.

– Чего тебе принести, обезьянка? – спросил по-немецки Михаэль-Мишка. – Хочешь куклу?

– Дай! – сказала Эрика и подумала, что следует понемногу уметь. К слову «дай» можно бы добавить слова «нет» и «кушать»... то-то смешно будет рассказывать Валентину про эту комедию!..

– Я должна ее покормить. Велите принести кашу... – начала было фрау Герта, но Эрика перебила ее криком:

– Нет, нет!

– Ты не хочешь каши? – Михаэль-Мишка присел рядом на кровать. – А чего ты хочешь, обезьянка? Пирогов хочешь?

– Да!

– Умница!

– Она сама не понимает, что говорит, – вмешалась фрау Герта. – Ей просто нравится произносить некоторые слова. Моя покойная дочка говорила «маленькая рыбка», хотя никогда не видела ни одной рыбы. Кто-то при ней это произнес, а она повторила, как попугай...

Прекрасно, подумала Эрика, если девица, почти лишенная рассудка, может по-птичьи повторять слова, это нужно как-то использовать. У нее еще оставалось три баранки на веревочке. Она протянула связку Михаэлю-Мишке и внятно сказала:

– Пирогов!

– Нет, фрау Герта, она понимает, о чем речь, но связи между понятиями у нее в голове – как у годовалого ребенка. Бедная моя обезьянка, – сказал Михаэль-Мишка. – Несправедливо это – ладно бы она была уродиной, а ведь красавица...

– Тем хуже для нее, – хмуро предрекла фрау Герта.

– Как вы полагаете, фрау, может она рожать детей?

– Боюсь, что да. Столь же разумных, какова она сама! – сердито ответила фрау.

Михаэль-Мишка пробормотал по-русски что-то столь же невнятное, как французские неправильные глаголы...

К тому времени, как стемнело, все утомонились. Мужчины ушли в гости к Пушкину и его приятелю-французу, обитавшим тут же, но в другом флигеле. Фрау Герта, возомнив себя великой умницей, уложила Эрику в постель, привязав ее к спинке кровати за ногу. Незадолго до того Эрика ухитрилась снять свой пояс с ножом и кошельком, спрятала их под тюфяк и потому спокойно позволила стащить с себя желудевое платье.

Когда фрау Герта уснула, Эрика выждала немного и тихонько засвистела. Надсмотрщица пошевелилась, но не проснулась. Тогда Эрика встала и подошла к окошку. Отчего-то фрау решила, будто бессмысленным девицам вредны сквозняки, и закрыла окно, а ночь была теплая, одна из последних теплых ночей августа. Девушке вспомнились маттиолы, которые в усадьбе высаживались именно для того, чтобы благоухать ночью. Убегая, она постояла, наслаждаясь ароматом – и скоро ли встретится с ним вновь? Сажают ли маттиолы в Санкт-Петербурге?

Эрика медленно распахнула окошко и села на подоконник. Ароматы во дворе были обычные для трактира, при котором есть хлев, птичник и конюшня. Но это было лучше, чем духота маленькой комнаты. Да и спать не хотелось. Хотелось думать о Валентине...

Трактир в предместье, где земля была не очень дорога, строился понемногу и в соответствии с обстоятельствами. Вот шесть лет назад собрался в Риге лифляндский ландтаг, на который съехались помещики всего края, а мудрый трактирщик, зная, что в крепости им всем не поместиться, тут же нанял каменщиков и плотников, воздвиг флигель на двенадцать комнат, шесть вверх и шесть вниз. Но, чтобы не пострадали конюшня с хлевом, флигель поставили не совсем удачно – из его окон были хорошо видны окна старого здания, да и голоса слышны лучше, чем хотелось бы.

Сейчас постояльцев в трактире было немного. Свет горел всего в трех окнах. Вдруг одно распахнулось – и Эрика замерла. Она увидела Михаэля-Мишку. Похититель тоже присел на подоконник и что-то говорил по-русски. Эрика видела темный профиль, словно обведенный серебряным карандашом. Похититель был ей симпатичен – она улыбнулась...

Потом Эрика сообразила, что во дворе должно быть совсем пусто. Имело смысл потихоньку выйти и спрятать нож с кошельком в дормезе – все равно ведь в нем ехать до самого Санкт-Петербурга. А дормез – вот он, стоит под навесом у конюшни.

Ходить бесшумно в пантуфлях – непростая задача, но Эрика не торопилась, она могла ступать медленно и плавно, без стука. Взяв свое имущество, она вышла на лестницу и спустилась вниз. Во дворе действительно не было ни души. Вдоль стенки она проскользнула к дормезу и забралась вовнутрь. Там было множество мест, где спрятать пояс с ножом и кошельком – от мешков, что подвешивались к стенкам, до щелей за сиденьями. Она выбрала щель.

Теперь нужно было вернуться в комнату. Эрика приоткрыла дверцу дормеза и замерла. Она услышала мужские голоса. И что занятно – они переговаривались по-французски.

Французский Эрика знала сносно – в самой светской гостиной бы не опозорилась, письмо написала бы без ошибок, даже очень длинное, но читать романы могла лишь со словарем: в письме-то используешь только те слова, которые знаешь, а сочинитель-француз менее всего беспокоится, что его измышление будут читать в Курляндии, и вставляет самые диковинные словечки. С романом Руссо «Новая Элоиза» Эрика сражалась чуть ли не полгода, хотя роман был в большой моде и следовало бы справиться с ним поскорее.

Но те двое, которые вышли во двор, чтобы в темноте без помех избавиться от лишней жидкости, говорили как раз на том французском, что был Эрике хорошо понятен. Один из них объяснялся не совсем грамотно и произношение у него было своеобразное, другой приспособился к своему товарищу.

– Не делайте глупостей, – сказал природный француз. – Не хочет этот господин играть в карты – ну и черт с ним. Шум поднимать незачем. Чем меньше шуму – тем лучше.

– Он врет, – отвечал малограмотный господин. – Он не давал слова, он может играть...

– Что это за человек?

– Черт знает что за человек... в хорошем обществе его не стали бы принимать! Но здесь, в захолустье, он должен быть мне благодарен, этот Нечаев, что я сажусь с ним за один карточный стол! Хотел бы я знать, отчего он вышел из полка! Ведь непременно какая-то скверная история!

– Оставьте его в покое. Я знаю таких господ – они от вызова не откажутся, а этот должен быть хорошим фехтовальщиком. Вам недоставало только дуэли в рижском трактире. После нее можете тут хоть навеки поселиться – на границу вас не пустят.

– Я уже схожу с ума, – пожаловался господин с плохим произношением. – Ни карт, ни приличного общества!

Голос выдавал сильное раздражение и даже склонность к капризам. Эрика представила себе говорившего совсем еще молодым человеком, избалованным и взбалмошным.

– Вы лучше как следует напейтесь, – посоветовал француз. – Думаете, мне тут нравится?

А вот француз был мужчиной средних лет, тоже недовольным жизнью, но умеющим держать себя в руках. Он чем-то напомнил Эрике дядюшку фон Гаккельна с его критическим взглядом на мир, приступами брюзгливости и бесконечным терпением, когда любимая племянница, госпожа фон Лейнарт, затевала очередную хозяйственную авантюру или пыталась сосватать ему очередную вдову с полудюжиной детей и двумя дюжинами внуков.

– Вы можете уехать в любую минуту!

– Вы правы – я так и сделаю.

– И оставите меня тут одного?!

Эрика усмехнулась – так рассуждает малое дитя. Незримо кавалеру было не более двадцати лет – голос молодой, звонкий, страстный... почти как у Валентина, когда он, объяснившись в нежных чувствах и не получив немедленного «да», грозился выйти из гвардии в армию и умчаться на турецкую войну.

– Коли вам угодно безобразничать, играть в карты по-крупному и поднимать шум – да, оставляю. Я и без вас выполню все то, о чем сговорено с вашим братом, только времени уйдет побольше.

– Вы хотите от меня избавиться, Бротар? Не выйдет! – возразил малограмотный господин. – Нас всех троих связал черт... как же это сказать? Черт связал одной веревкой! Или мы получим эти триста тысяч, или поедem в сибирские рудники!

– Тише, тише!

Это относилось и к Эрике, которая ахнула довольно громко и тут же прикрыла рот ладошкой. О сибирских рудниках в Курляндии рассказывали ужасные вещи – туда ссылали не только злодеев, но и совершенно невинных людей, сперва наказав их кнутом, вырвав ноздри и поставив на лицо клеймо; кормили гнилым хлебом, поили болотной водой, и именно на страхе перед рудниками держалось могущество Российской империи...

– Вам без меня не обойтись! Я все это выдумал, я узнал, где и как делают бумагу! Я слишком много знаю, чтобы от меня так просто избавиться! Вам придется заколоть меня – а вы знаете, шпагой я владею отменно! Еще неизвестно, кто кого заколет! Я – преображенец, а вы – аббат, да, аббат!

Эрика поморщилась – мужчина, даже выпив лишнего, не должен так визжать.

– И вы уже давно не преображенец, и я уже давно не аббат, сударь, – сердито отвечал француз. – Перестаньте вопить, как торговка рыбой, господин Пушкин. Вспомните лучше, как вышло, что вам пришла в голову удачная мысль... вспомните, кто рассказал вам, как научиться подделывать росчерки... вспомнили? А теперь слушайте. Если в ближайшие три дня вы не получите свой паспорт, нам все же придется расстаться. Я хочу побывать во Франции, объездить Голландию, а вам всего-то нужно поселиться в Амстердаме поблизости от мануфактуры Сиверса и там провести все переговоры о бумаге. Нам вовсе не обязательно надоедать друг другу целыми сутками, сидя в одном экипаже. Если мы проживем под одним кровом еще хоть неделю – то обязательно зарежем друг друга. Мы встретимся в Амстердаме.

– Я не отпущу вас. Я вам не верю, господин Бротар, – хмуро сказал малограмотный господин.

– И я вам не верю. Я могу биться об заклад – стоит мне покинуть Ригу, как вы ввяжетесь в какую-нибудь нелепую историю с картами или с женщинами...

– Нет! Есть женщина, которую я люблю, которой предан...

– Ваша крепостная. Можно ли об этом говорить серьезно?

– Да.

Тут оба замолчали. А Эрика вдруг поняла, что не так уж прост незримый юноша: в голосе звучала подлинная любовь. В восемнадцать лет, выслушав от соседей с три десятка любовных объяснений, уже начинаешь понимать, что к чему.

– Послушайте, господин Пушкин, будьте благоразумны, – мягко сказал француз. – В России вы не можете жениться на любовнице вашей. А в Швейцарии – можете, там никому нет дела до российских нелепых законов и до петербургского высшего света. Соберитесь с духом. Сделаем наше дело без ссор и упреков, уедем в Швейцарию – и я обещаю вам, что никогда более вы меня не увидите. А будем ссориться – не миновать нам Сибири...

– Да, – повторил господин Пушкин.

– Я знаю, что вас беспокоит. Не скука и не отсутствие карточных партнеров. Вы полагаете, что мы напрасно вовлекли в дело господина Сукина.

– Да. Пока нас было трое, вы понимаете... я не предаю брата, брат не предаст меня... Господи, знать бы, где он сейчас! Не может быть, чтобы у него не хватило ума выбраться из Москвы!

– Не беспокойтесь. Вот хоть и брат ваш подтвердит – господин Сукин нам необходим. Он всем заправляет в коллегии, через него проходят все деньги. Я сам говорил с ним – он дурак, но такой дурак, что очень любит деньги, это – главное. Идем. Мы слишком долго стоим тут – ваши приятели подумают, будто мы о чем-то сговариваемся.

– Не забудьте – я отсюда собираюсь в Льеж и потом – в Спа. И я болен, опасно болен, не смейте мне предлагать жареное мясо! – воскликнул господин Пушкин. – Нечаев с Воротынским едут в столицу – что они обо мне будут говорить?!

– Неужели вас это беспокоит?

– Воротынский – человек незначительный, а Нечаев... он способен на все, понимаете? Он способен проиграть нательный крест, способен первым выскочить на вражеское укрепление с одной лишь шпагой, способен пешком отправиться из Москвы в Санкт-Петербург... он может переночевать с нищими в сарае, а через неделю вы его встретите на приеме у госпожи Брюс!

– Возможно, такой человек нам пригодится. Госпожа Брюс, говорите?

– Говорят, Нечаев был ее любовником. У него остались какие-то таинственные связи при дворе, но сейчас он – исполнитель всяких сомнительных поручений, даю вам слово!

– Сомнительные поручения знатных особ?

– Да! Вот сейчас он везет какую-то девицу из Курляндии – хотел бы я знать, в чьей постели завершится это путешествие! И если он не живет на доходы от карточной колоды, то непременно выступает в Академии Фортуны, другого применения его талантам я просто не вижу. Он дойдет до того, что сделается наемным убийцей, вот увидите!

– Тем более нужно с ним быть благоразумным, – заметил француз. – Возможно, он и нам пригодится. Вы ведь знаете, где его искать в столице?

– Знаю. У него есть там постоянное логово. Он оказал услугу какому-то купчишке, и тот приютил его чуть ли не на чердаке. Это на набережной за Казанским собором.

– Отлично. Идем, идем, не будем вызывать у него подозрений...

Эрика уже догадалась, что прозвание Михаэля-Мишки – Нечаев. И ей, непонятно отчего, приятно было слышать, что он – человек незаурядный и даже загадочный. Разумеется, она любила своего Валентина и собиралась стать верной женой, и все же... белобрысый эллин... а руки у него – не узкие, аристократические, а большие, с широкими запястьями, руки простолюдина... кто их разберет, этих русских, вон говорят, покойная императрица Елизавета за простолюдина тайно замуж вышла, возвысила его, дала ему титул, богатство, и с ним повенчалась...

Она выждала еще немного и прокралась обратно в комнатку. Там было темно, а в окне напротив, совсем близко, обозначился мужской силуэт и стал загадкой: чей? Господина Нечаева или господина Пушкина? Рассудительный француз ей отчего-то представлялся мужчиной плотным, с брюшком.

Теперь бы можно было и лечь спать, но Эрика хотела переплести на ночь косы и думала: если это сделать, не заметит ли наутро фрау Герта? Она днем сама причесала Эрику и завязала

ей косы дешевыми ленточками. Эрика была приучена вечером умываться и делать все то, что делает воспитанная девица; фрау Герда, напротив, была женщина простая и даже о собственной чистоте заботилась мало. Поразмыслив, Эрика решила, что ходить грязной из-за старой дуры не станет. Умывальный кувшин и тазик в комнате были. При желании на все процедуры хватит и одной кружки, а потом – потом можно включить в свой словарь еще одно слово и кричать при Михаэле-Мишке «мыться!», пока фрау Герта не поумнеет.

Это она и проделала наутро, когда фрау попыталась накормить ее кашей. Эрика выбила из ее руки ложку и кричала до тех пор, пока ей не принесли таз с теплой водой. Она стала плескаться и брызгаться, приведя Михаэля-Мишку в совершеннейший восторг.

– Ну разве не прелесть что за обезьянка? – спрашивал он. – Фрау Герта, ее и сравнивать нельзя с нашими придворными дамами – те спать ложатся, не смыв белил и румян. Что тебе принести, обезьянка? Хочешь яблок?

– Яблок! – повторила Эрика.

Солнце светило в маленькое окошко, глаза Михаэля-Мишки, стоявшего прямо в потоке света, сделались изумительной синевы, а кое-как причесанные волосы зазолотились. Эрика, глядя на него, улыбалась – и вдруг решила на озорство.

– Яблок! – сказала она. – Яблок дай-дай-дай!

И, подойдя, поцеловала своего похитителя в щеку.

От такой вольности Михаэль-Мишка остолбенел, а фрау Герта возмутилась.

– Я не знаю, кто смотрел за девчонкой, но эта женщина зря получала свое жалование! – сказала фрау Герта. – Должны же быть приличия! От такого нужно отучать, и отучать сурово!

– Фру Герта, у нашей обезьянки, видно, был брат или несколько братьев, вот ей и кажется, что каждого мужчину моих лет можно целовать, как брата, – сообразил Михаэль-Мишка. – И запомните – никаких строгостей! Если я догадаюсь, что вы наказываете бедную обезьянку, в тот же час вы отправитесь обратно в Митаву, не получив никакого жалованья!

Он так это сказал, что у Эрики мурашки по спине пробежали. Человек, покупавший ей баранки, веселый и ласковый, вступивший за нее, обернулся бойцом, способным проложить себе дорогу сквозь пехотное каре с одной лишь шпагой в руке.

Но это был лишь миг. Тут же брови, что сошлись было на переносице, расправились, хищная ухмылка растаяла.

– Не бойся, обезьянка, – сказал Михаэль-Мишка. – Нам придется тут провести несколько дней, и я успею отыскать для тебя куклу. Фрау Герта, мы найдем место, куда ее можно будет выводить на прогулку. Но только в сумерках.

Этим местом оказалось соседнее кладбище при гарнизонном госпитале.

Михаэль-Мишка и Воротынский поочередно дежурили в комнатке, где сидела Эрика, поочередно сопровождали ее на прогулку, причем, к ее немалому удивлению, брали с собой пистолеты. Так прошло побольше недели, и наконец Михаэль-Мишка сказал, что пора в дорогу.

Они выехали в ночь. Отдохнувшие кони бодро рысили сперва по Большой Песочной, потом по утыканной верстовыми столбами дороге. Дормез прокатил по перешейку меж озерами, миновал Берг, к утру прибыл в Вангаш. Там между Михаэлем-Мишкой и Воротынским случился спор – ехать ли напрямик на Лемзаль, или свернуть и пробираться на север проселочными дорогами. Сути спора Эрика не поняла, как ни прислушивалась. Ничего ей также не сказали слова «Псков» и «Новгород». Фрау Герта сидела рядом, злая и готовая всякий миг разразиться руганью. Ей новая должность, за исполнение которой обещали хорошо заплатить, уже более не нравилась. Да и неудивительно – везли вовсе не туда, куда обещали.

Она потому и подрядилась смотреть за полоумной девчонкой, что собиралась в Москву, к сыну, который имел там свою пекарню. А в Москве оказалась чума, и за ту неделю, что провели в Риге, сидя в трактире, как узники в тюрьме, эта проклятая чума добила-таки своего:

страшные слухи о ней взбаламутили всю Лифляндию. С одной стороны, то, что не доехали до Москвы, было великим благом, с другой – фрау Герта не на шутку беспокоилась за сына и маленьких внуков, с третьей – ей решительно нечего было делать в Санкт-Петербурге.

Поехали через Псков – и Эрика была немало удивлена и огромной городской стеной, и маленькими белыми церквушками, куда, казалось, и десять человек не поместятся. Спрашивать она не могла, хотя вопросов было множество.

Она твердо решила вернуться сюда – уже замужней дамой, с Валентином, и все узнать, все осмотреть. Может, даже написать путевые заметки, как делают многие дамы: сперва посылают родным с дороги длинные и подробные письма, потом из этих писем составляют целые книжки. Издать можно в Митаве, в типографии Стеффенгагена, ведь к тому времени родители уже простят Эрику и Валентина. Жаль, что они не переписывались – переписку тоже теперь модно издавать, после великого успеха «Новой Элоизы» все взялись за перо. А такой роман, как у Эрики-Вильгельмины фон Лейнарт и Валентина фон Биппен, с тайным обручением и побегом, не каждый день в Митаве случается! То-то проклятый барон фон Опперман позлится!

Эти мысли утешали Эрику все время пути. А ехали неторопливо – берегли лошадей.

Наконец, помыкавшись по каким-то разбитым дорогам, дормез въехал в странный поселок. Готовых домов там, где проезжал дормез, было мало – зато строились целые улицы.

Остановились у обычного дома, в каком могли бы поселиться зажиточные мещане. Михаэль-Мишка, соскочив с коня, отворил дверцу дормеза.

– Приехали, обезьянка, – сказал он, и его лицо, обычно живое и веселое, словно бы посерело – похитителя придавила скопившаяся усталость. – Извольте осчастливить своим вниманием Царское Село. Фрау Герта, здесь мы пока будем жить. Нас ждут, сейчас истопят... как ее?.. Поведете нашу обезьянку мыться.

– Я знаю, о чем вы говорите. Я туда не пойду! – гордо сказала фрау. – Приличной женщине там не место.

– Это отчего же? – спросил Михаэль-Мишка.

Ответ привел Эрику в полное изумление – она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть.

– Оттого, сударь, что там вместе моются голые мужчины и женщины!

Михаэль-Мишка расхохотался.

– Эй, Воротынский, Воротынский! – закричал он. – Ты слышал, что испугало нашу добрую фрау? Вылезай, обезьянка! Воротынский, стучи в двери крепче! Слава Богу, наконец-то мы дома!

На стук вышли две женщины, обе статные, румяные и в русских нарядах. Михаэль-Мишка что-то им по-русски растолковал, они засмеялись, глядя на него с истинным обожанием. Это обожание Эрике не понравилось – она лишь теперь сообразила, что белобрысый эллин, не красавец и не аристократ, при всем при этом должен нравиться всем женщинам без разбору, притягивать их, как натертый сукном янтарь притягивает бумажки.

Женщины заговорили, обращаясь к Эрике, и их певучие голоса внушали доверие. Эрика встала, стряхнула с себя руку фрау Герты и выскочила из дормеза прямо в объятия Михаэля-Мишки. Потом она ухватилась за руку своего похитителя и не отпускала, пока не оказалась в уютной комнате. Там лишь она вспомнила, что забыла в дормезе куклу, купленную ей во Пскове. Да и сварливую фрау Герту забыла.

Две милые женщины, которые, как она поняла, были к ней приставлены вместо курляндки, помогли снять желудевое платье, которое в дороге помялось и испачкалось. Обращаясь к Эрике, они повторяли несколько ласковых слов, и одно ей понравилось.

– Голубка, – очень отчетливо сказала по-русски Эрика.

Если бы женщин предупредили, что они имеют дело с совершенно безмозглой девицей, то у них не хватило бы смелости приступить к самым простым урокам. Но они знали только то, что девица развита не более двухлетнего дитяти, а двухлетнее уже осваивает речь весьма бойко.

– Маша, – сказала старшая, показав на себя, и Эрика повторила: «Маша». Вторую, совсем молоденькую, звали Федосьей. Такое причудливое слово сразу выговорить не удалось.

Когда Михаэль-Мишка заглянул в комнату, Эрика приветствовала его русским словом «Михайла».

– Чертовы немцы, – сказал Маше Михаэль-Мишка. – Они ее, поди, ничему не учили. А она не дура! Ее еще можно обтесать. Искушайте ее, попарьте хорошенько, а я в город поскачу, доложу, что привезли. С вами останется Воротынский. Если что – уводите ее в парк, туда, где строят павильон. Ну да Андреич знает, куда ее прятать, сами-то не зевайте...

После чего он обратился к Эрике по-немецки:

– Не скучай без меня, обезьянка! Приеду – сахарного петушка привезу!

– Не скучай, – повторила Эрика.

И ей даже сделалось немного жаль, что скоро она покинет этого человека. Нужно было только вызнать, в какой стороне Санкт-Петербург и далеко ли, а там уж всякий укажет казармы Измайловского полка.

Глава 5. Царскосельская идиллия

Дорога к Царскому Селу была шумной и оживленной. Везли нужный для строительства лес, камень, кирпичи, туда же направлялись возы со скарбом новоселов. В этой веренице телег и повозок затерялась одна, довольно легко нагруженная. Впереди рядом с кучером сидел человек в армяке и нахлобученной на самые брови круглой русской шапке. Он тихонько напевал – но если бы кто грамотный услышал эту песню, то крепко бы зачесал в затылке.

– Лицо свое скрывает день, поля покрыла мрачна ночь, – меланхолически пел человек в армяке. – Взошла на горы черна тень, лучи от нас склонились прочь. Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет, бездне дна...

Мелодия была самая что ни на есть похоронная. Она по-своему соответствовала словам – ведь не станешь же исполнять под трепака ломоносовское «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». Сие творение и впрямь будило мрачную задумчивость. Ведь если вообразить, как покойный Ломоносов, что в непостижимой вышине горят несчетные солнца, обогревая множество миров, и в тех мирах есть свои народы, и в обычный телескоп этого, как ни бейся, не углядеть, – поневоле впадешь в скорбь.

Поблизости от великолепного Царскосельского дворца выросла слобода, где селились художники и каменотесы, кузнецы и резчики по дереву, подрядчики и архитекторы. Слобода строилась вкривь и вкось, народу в ней все прибывало, и все эти люди, занятые своими делами, не имели возможности толком познакомиться с соседями. Если бы кому взбрело на ум надежно спрятать полк эфиопов, то этот полк следовало вести в Царское Село – там бы в общей суете на него и внимания не обратили.

На краю этой слободы, на пока безымянной улочке стоял дом с небольшим садом, приобретенный госпожой Егуновой для дочери. Там она хотела держать свое несчастное дитя, пока не станет ясно, что с девицей делать дальше, способна ли она хоть к какому-то обучению, или лучше всего поместить ее в обитель под присмотр опытных монахинь. Этот дом был убран с виду скромно, однако внутри все свидетельствовало о богатстве и хорошем вкусе хозяйки.

Возле него-то и остановилась телега, а исполнитель ломоносовского творения соскочил наземь и побежал к калитке.

Во дворе он отыскал сторожа, велел отворить ворота и с большим бережением втащить в дом ценный груз, ни в коем случае не разматывая окутавших его рогож. На вопрос, где именно установить груз, поклонник Ломоносова отвечал, чуть заикаясь:

– Сперва – у лестницы, что ведет на чердак. Дальше – поглядим.

Он вошел в дом, на ходу развязывая кушак, и тут же с превеликим облегчением скинул волочащийся по полу армяк. Под простой одеждой оказались темно-зеленый камзол преображенца, такие же штаны, полотняные черные штиблеты, застегнутые на мелкие пуговицы, и черные же башмаки на довольно высоких каблуках. Галстука, правда, на кавалере не было. Шнурок, стягивавший у горла рубашку, был по случаю жары распущен.

– Эй, Черкасский! – закричал преображенец. – Я приехал, выходи!

– Иду! – отозвался голос из каких-то дальних комнат. И появился молодой человек в богатом шлафроке, заспанный, нечесаный и с правой рукой на перевязи.

Лет ему на вид было не более девятнадцати, и всякий, взглянув на круглую физиономию, на длинные светлые кудри, сейчас не убранные в положенную офицеру прическу с косой и буклями, на мягкие и по-детски неопределенные черты лица, на нежную шею и безволосую грудь, видные в вырезе рубахи, сразу сказал бы: балованное чадушко. И по-своему был бы прав – юный князь Темрюков-Черкасский еще не кончил расти, ему совсем недавно шили новый мундир, и портной удивлялся – за полгода прибавился целый вершок. Та же беда была и с обувью.

– Царь небесный, ты сколько же часов сегодня проспал? – удивился преображенец.

– Громов, ты не поверишь – я решил отоспаться за все те ночи, что провел в шалостях и проказах, – отвечал князь. – Да ведь и доктор говорит, что во сне человек выздоравливает. Тришка, накрывай на стол! Что матушка?

– Матушка твоя – святой человек. Она дала еще денег, чтобы подкупить девок и сводню. Что будем делать с ними?

– Отслужим молебен матушке во здравие, – решил князь. – Тут храм Божий уже поставили – вот и обновим.

– Там на десяток молебнов станет.

– Тогда... тогда, может, на девок?..

Оба рассмеялись.

В ту ночь, когда Петруша Черкасский был ранен в руку, а риваль его – в грудь, оба товарища вовсе не были в веселом доме, и случайной ссоры также не возникло – это была дуэль по всем правилам, с вызовом, посланным как полагается, с секундантами. Но противники заранее уговорились, что для света и особенно для государыни это будет случайная стычка двух подвыпивших буянов. Несколько соответствовало вранью лишь то, что дуэль приключилась из-за молодой и легкомысленной фрейлины.

– Что матушка разведала?

Вспомнив о неприятности, преображенец помрачнел.

– Риваль твой, сказывают, никак на поправку не пойдет. Лежит в полковом госпитале – родни-то у него в столице нет.

– Плохо. Я ему зла не хотел... хоть и немец...

– Плохо, – согласился Громов. – Матушка твоя ездила к фавориту, упростила его шуму не поднимать. Она у него накануне вазы какие-то выиграла, вернуть хотела – ни в какую! Да они, сдается, в давнем приятельстве...

Командиром преображенцев был сорвиголова и щедрейшая в мире душа – Алексей Орлов, он же – Алехан. Но Орлов в столице отсутствовал, и княгиня здраво рассудила, что нужно просить о помощи его всеильного брата Григория, которого весь свет называл одним кратким словом «фаворит» – никому и ничего разьяснить не приходилось.

– И за тебя просила?

– Статочно, и за меня. Она от него передала – надобно отсидеться, нигде носу не показывать. И Бога молить, чтобы твой риваль жив остался. Коли помрет – измайловцы тебе того вовек не простят. Там господа злопамятные...

– Сам знаю. А как же быть, коли он язык распускает?!

Громов только руками развел.

– Что твоя рана? – спросил он. – Франц Осипович смотрел?

– Смотрел, сказал – от гноя совсем очистилась, шрам останется порядочный. Ну да это – ерунда, я не щеголиха. Что ты привез? – князь подошел к окну и с любопытством смотрел, как разгружают телегу.

– Привез вина, битой птицы, колбас, окорок привез – дай волю княгине, она бы и корову к телеге привязала. Хлеба хорошего... А вот что еще! Помнишь, княгиня поселила нас тут и уговорила с Авдотьей Тимофеевной, что ненадолго, потом нам другое жилье сыщет?

– Помню, ты сам сказывал. И что – съезжать велено?

– То-то и плохо, что нет. Для кого Авдотья Тимофеевна дом купила – помнишь?

– Для дочери украденной?

Вошел денщик Тришка, оценил обстановку, подтащил к раскрытому окну овальный столик и накрыл его простой скатертью.

– Да. Так вот – прискакал из Курляндии человек, которого она посылала дочь привезти. Оказалось, девица пропала. У того человека есть подозрение, кто ее выкрал. Но он потерял след.

– Черт возьми! Кто ж польстился на дуру?

– Дура не дура, а приданое царское. Госпожа Егунова на себя почти не тратит, все копит и копит. Она как-то пошутила – если сложить первые буквы тех деревень, что получит в приданое ее Катенька, то как раз и выйдет «Катерина Егунова».

Тришка повез по полу разом два стула, обитых красной кожей. Если господам угодно глядеть в окошко – пусть глядят сидя.

– Ума у ней от того не прибавится. Девица должна быть ловка, знать языки, музицировать, – уверенно заявил князь Черкасский, усаживаясь поудобнее. – В домашних спектаклях блистать, одеваться к лицу. И то еще неведомо, посватаются или нет. Хотя есть случаи, когда нужно о приданом подумать. Кабы она не была дура, я бы упросил матушку, чтобы тебя на ней женила – тебе ведь из чего-то нужно сестрам приданое дать!

– Да Бог с ней! – Громов махнул рукой и сел напротив. – Там, Петруша, сразу женихи сыщутся. Жениться на дуре ради приданого – пошлость какая-то... да я лучше в Академию наймусь, оно как-то достойнее...

– В которую? – живо спросил князь.

– Фортуны.

Академиями называли постоянные сборища картежников, и там можно было сорвать крупный куш, а можно было и проиграть последние штаны, это случалось куда чаще. Но кроме картежных академий в столице завелась еще одна, основал ее учитель фехтования, то ли англичанин, то ли шотландец. Дав своему заведению имя «Академия Фортуны», он сперва собрал там опытных бойцов, потом стал устраивать ассо – бой из трех схваток, до первого укола, для зрителей, которые бились об заклад, и особенно забавно выходило, когда хозяин выпускал бойца в маске. Эту-то Академию и имел в виду Громов – хороший фехтовальщик мог взять там отменный приз. Другое дело, что дворянину, гвардейцу, преображенцу недостойно брать деньги за поединок.

– А отчего бы нет? Ты в полку первый боец! Мне бы так! – с совершенно детской завистью сказал князь. – Садись. Будем пить венгерское вино, глядеть на огород и воображать себя в Аркадии. Истинная идиллия! Покамест нас обоих не женили! После этой дуэли матушка непременно захочет мне на шею какую-нибудь дуру навязать, чтобы я угомонился! А тебе – за компанию! Чтобы больше ко мне в секунданты не шел! И ведь найдет двух дур с приданым, вроде этой Катьки Егуновой, из-за которой Авдотья чуть последнего ума не лишилась... Эх! Сколько нам еще той идиллии осталось!.. Тришка, дармоед! Тащи хоть что-нибудь! Знал бы ты, Громов, до чего мне не хочется жениться!

Идиллия была самая достойная – комнату, которую Авдотья Тимофеевна обставила для девицы, велел повесить и зеркало в резной позолоченной раме, и крошечные полочки, поддерживаемые амурчиками, двое преображенцев обратили в мужской рай: тут висели на стульях их зеленые мундиры, стояли в углу два мушкета, над изящнейшим канале вместо канделябров пристроены были пистолеты. Мраморная девка, державшая над головой корзинку для фруктов, увенчана была приметной треуголкой – по галуноу на треуголках гвардейца могла признать даже дама, которая путалась в различиях меж мундирами: у семеновцев он был с мелкими зубчиками, у преображенцев – с крупными, у измайловцев – вовсе без зубчиков. А пустых бутылок, выстроившихся вдоль стены, за время идиллического изгнания из столицы набралось уже более полусотни. Выносить их князь не велел – это зрелище его веселило, всякому приятно осознавать грандиозность своего подвига.

– Да и мне совсем не до женитьбы, – поддержал князя Громов. – Ох! Чуть не забыл! Я ведь телескоп привез! Ей-богу! Маленький, да отменный! Взял у господина Эйлера – сам-то он уже в небо не глядит.

– Ты ездил на Васильевский? – удивился князь.

– Далеко ли? По Исаакиевскому мосту за полтора часа обернулся – и то, пока телескоп в перину и в рогожи заворачивали... Идем! Поташим его на чердак.

– Сам, что ли, потащишь? А люди на что? Вон Тришка?

Тришка в этот миг как раз водружал на столик блюдо с холодными мясами всех сортов.

– Сам и поташу. Людям столь хитрую механику доверять нельзя.

И Громов, лишь малость перекусив, действительно чуть ли не на руках внес на чердак свою любимую игрушку.

Дом был новый, на чердаке еще не набралось древнего хлама, и Громов установил трехногий телескоп у окошка без затруднений. Если бы князь Черкасский не залез туда и не давал советы, было бы куда легче.

– Эх, жаль, до ночи далеко, – сказал Громов. – Я бы тебе показал лунные моря и все созвездия...

– Постой! А днем в него смотреть никак невозможно? – спросил князь.

– А чего днем смотреть – ничего же не видно...

– Не в небо, дурень! На грешную землю! В окошки! Это ж мы и в дворцовые окошки сейчас заглянем! И по всей слободе прогуляемся! Узнаем, где у нас тут живут красоточки! Ну, давай, учи, как с ним управляться!

– Не тронь! Убери немые лапищи!

Некоторое время спустя оба преображенца старательно изучали соседние окна и дворы. Увидели два грехопадения, задумались: это что же, и мы в столь важный момент являем собой такое нелепое зрелище? Громов уже решил гнать товарища с чердака, но Черкасский вдруг закричал:

– Гляди, гляди! Нимфа!

Во дворе (а в котором – не поймешь, потому что глядит телескоп далеко и окрестностей не показывает) прохаживалась девица в белой рубаше и с распущенными пышными волосами. Волосы были не совсем рыжие, а приятного рыжеватого цвета, достигали ягодиц. Лицо оказалось приятным, округлым, с мило вздернутым носиком.

– Что это она? – удивился Громов.

– Эх ты, астроном! Это она после бани волосы сушит, – догадался князь. – Видишь, на солнышке прохаживается... пусти... узнать надобно, чья такова...

– На что тебе?

– Сам знаешь, на что... она неспроста этак бродит, заманивает...

– Ну да! Она знает, что на чердаке сидят два болвана с телескопом, и для них старается!

– Нужно отыскать тот дом.

– Не стану, и не надейся.

Громов был старше князя года на четыре и потому принимал иногда отеческий тон. Зато князь был чиновнее – Елизавета Темрюкова-Черкасская знала, кому за карточным столом у важной персоны или даже у самой государыни проиграть дорогую безделушку, чтобы сын веселее поднимался по служебной лестнице. Так на так и выходило.

Вниз они спустились вместе и доели мясо. Теперь нужно было придумать себе развлечение до ужина.

– Вот что плохо в Аркадии – скука смертная! – догадался князь. – Видел на картинах – овечки пасутся, пастушок на камушке сидит – идиллия! А он там со скуки помирает. Разве что пастушка?.. Слушай, Громов, какая идиллия без пастушки?

– И какая идиллия без французской хвори? – осадил его старший товарищ. – Нет уж, лучше скука!

– Может, поупражняемся? – спросил князь, имея в виду шпажный бой.

– Куда тебе! Рука еще не зажила.

– А я – левой!

– Ну, тогда и я левой, – решил Громов.

Князь радостно скинул шлафрок, Громов снял камзол. Тришка принес рапиры с шариками на концах, кожаные нагрудники и перчатки. От масок преображенцы отказались. Биться условились не до синих пятен, а так – поучить свои левые руки уму-разуму. Авось когда пригодится.

Они не первый раз скрещивали учебные рапиры и знали друг друга, так что не было нужды прощупывать слабые места. Но левая против левой – это им было в диковинку. Наконец они нашли чем заняться – стали поочередно отрабатывать сперва парирование терцией, потом парирование четвертой с обезоруживанием противника. Бедный Тришка набегался, подбирая и поднося выбитые из рук рапиры, да и Громов с Черкасским взмокли.

– Нет, тебе точно место в Академии! – воскликнул князь, глядя, как ловко орудует товарищ клинком. – Только ведь, сказывают, туда попасть непросто. Нужно, чтобы кто-то замолвил словечко. Это не гусиные бои – да и там, поди, есть своя компания, что бьется об заклад.

– Там, я так полагаю, собираются фехтовальные учителя. Куда мне против них! – отвечал Громов. – Ты не забудь, нас благородному фехтованию обучают, красивому, а там в ходу, может статься, подлые приемы и ухватки. И первая моя схватка окажется последней.

– Хоть раз бы туда попасть! Хоть поглядеть бы!

– Вот вернемся в столицу – поспрашиваем умных людей, раз тебе невтерпеж, – пообещал Громов. – Но ты имей в виду – нельзя, чтобы тебя там видели. Уже и теперь измайловцы считают, что ты недостойную ухватку пустил в ход, к коей твой риваль не был готов. А коли узнают, что тебя видели в Академии, такие слухи пойдут! И до государыни дойдут, помани мое слово.

– Эх, вечно ты всю идиллию испоганишь...

– Пошли ужинать. Ужин мы честно заслужили.

– А знаешь ли, Саня, о чем я думал, когда с тобой бился?

– Даже и вообразить невозможно.

– Я думал о ней – о той рыженькой... Вот бы она видела, как я бьюсь!

Громов только вздохнул – с ним в юности тоже такое бывало, но сейчас он считал себя человеком взрослым и переросшим пору нелепой мечтательности.

– А разве тебе никогда не хотелось встретить даму – и сразу полюбить ее? И чтобы она тебя сразу полюбила? И знать – вот оно, вот! И чтобы без всяких выкрутас и записочек дурацких, без девизов в коробочках, без конфетных бумажек со стихами!

– Да не влюбился ли ты посредством телескопа? Вот было бы беспримерное дурачество! – сказал на это Громов. – Совсем ты ошалел от здешней идиллии!

За ужином князь строил домыслы – в какой семье могла бы жить красotka. Громов пытался отрезвить его новостями о московской чуме. Потом князь принял лекарство и лег спать, а Громов полез на чердак.

Он был счастлив наедине с дорогой игрушкой. К тому же Эйлер дал ему как давнему приятелю переписанные страницы трактата, над коим трудился, невзирая на слепоту. Трактат был посвящен небесной механике, движению планет и комет, а именно эти страницы – движению Луны. Одна беда – мальчик, которому диктовал ученый, был невеликий знаток немецкой грамматики, а Громов – невеликий знаток немецкого языка. В разговоре с Эйлером оба старались понять друг друга, да немец и знал уже немало русских слов, а наедине со строчками Громов ощущал свою беспомощность.

Глядя на Луну, он замечтался. Как хорошо было бы, если бы к сестрам посватались богатые женихи, готовые взять их без приданого... Тогда осталось бы только позаботиться о матери. Служба, полк, мушкетерская рота, которой отдано семь лет жизни, – это прекрасно, однако его опережают сынки из знатных семейств, и это неизбежное зло. Да и сам он не был ли записан в полк грудным младенцем? Был – в пору расцвета своей семьи. Теперь же для него самое разумное – выйти из гвардии в армию, где можно сделать настоящую карьеру.

Станным образом он не придавал значения своим качествам, не замечал женских взглядов. А ведь не одна огорчалась, что эти карие глаза глядят столь отрешенно! Не одна замечала изящно вырезанные, как у статуи, губы, и подбородок с едва заметной ямкой тоже был отмечен придворными ценительницами прекрасного, и отменный для гвардейца рост, и широкие плечи. Не то чтобы преображенец был скромником и недотрогой – а просто голова вечно оказывалась занята вещами посторонними.

В его жизни было несколько приключений, одно даже опасное, и он решил для себя, что романы с замужними дамами уж очень обременительны. Сейчас он находился словно бы в отпуску – и полагал, что в следующий раз подставит грудь купидоновой стреле не ранее осени, когда начнутся балы и маскарады.

Вот тогда они с князем Черкасским непременно будут бывать в свете – а, может, этой осенью появится и молодая княгиня Черкасская – Елизавета Ивановна, передавая деньги для сына, говорила, что недолго соколу летать, найдется и на него управа. Вот бы еще только матушка присмотрела сыну невесту не хуже, чем та рыженькая, с распущенной косой...

На следующий день они, разумеется, снова нацелились на двор, где видели красавицу, но она не появилась. Громов, сжалившись над другом, ходил даже искать тот дом и расспрашивал знакомого архитектора, поселившегося неподалеку. Архитектор обещал разузнать, обещал послать на поиски жену, но прошло еще два дня, и он доложил – нет, никакой курносой девицы с длинными рыжеватыми волосами в окрестностях нет. А живут в доме две русские женщины и старик. Недавно к ним приехали мужья – у старшей женщины муж уже в годах, угрюм и неразговорчив, у младшей – весьма подозрительный белобрысый молодчик, сдается, даже из тех портных, что шьют под мостом вязовой дубиной.

Громов изложил все это Черкасскому, но того как заколодило: вынь да положи девицу. Сам он еще не мог вдеть забинтованную руку в рукав кафтана. Пришлось спустя еще два дня опять навестить архитектора. Тот снова попросил о помощи жену. Оказалось, дом не так-то прост – накануне поздно вечером подкатил богатый экипаж, вышел закутанный в епанчу кавалер, его лакей постучал в дверь, обоим с поспешностью приняли. Когда кавалер изволил уехать, архитекторская жена не знала, но наутро кареты возле дома уже не было.

– Кончай ты валять дурака, Черкасский, – сказал Громов, пересказав эту сплетню. – Видать, тот господин прятал в Царском Селе любовницу, а теперь ее перевез в иное место. Это ты все от безделья...

– Если бы точно знать, что там с курляндцем! – воскликнул князь. – Громов, ты мне друг – сегодня же поезжай к матушке! Она этого чертова курляндца из виду не упускает.

– Опять маскарад? – обреченно спросил Громов.

– Друг ли ты мне?

– Друг...

На сей раз, впрочем, преображенец обошелся без армяка. Он одолжил у знакомого верховую лошадь и первым делом поехал к казармам своего полка – сколько ж можно пропадать, надеясь на влияние княгини Темрюковой-Черкасской? Когда он ехал к Спасо-Преображенскому собору, у которого рассчитывал встретить сослуживцев, не заходя в офицерские казармы, не одна девица обернулась, не одна проводила взглядом статного всадника.

Этот храм, первый в столице о пяти куполах, был знаменитый – его поставили по приказанию покойной государыни Елизаветы на том самом месте, где был полковой двор и казарма

гренадерской Преображенской роты; там появилась императрица, призывая преображенцев помочь ей взойти на престол, принадлежащий дочери Петра Великого по праву рождения; там горячо молилась об успехе дела.

Громову повезло – несколько человек из недавно учрежденной при полку егерской команды торопливо шли к полковому собору. Он узнал знакомцев и окликнул их.

– Ты откуда взялся? Мы думали, лежишь раненый при последнем издыхании, – сказал подпоручик Прохоров. – Слыхал ли новость?

– Нет, я за новостями и прибыл, – Громов соскочил с коня. – Мы с Черкасским после той дуэли боимся лишний раз на улицу нос показать. Ждем, пока княгиня все уладит.

– Ну так самое время вам выбираться из убежища. В Москве бунт, толпа с кольями ворвалась в Кремль, разгромлены дома и чумные больницы!

– Господи Иисусе... – только и мог произнести Громов.

– Владыку Амвросия растерзали в Донском монастыре. Москва без начальства взбесилась.

– Куда ж оно подевалось? – удивился Громов. – Неужто чума?..

– Чума, да не та! – перебил его Прохоров. – Имя ей – трусость. Генерал-губернатор Салтыков из Москвы сбежал, отсиживается в деревне. Обер-полицмейстер Юшков сбежал! Один генерал Еропкин с бунтовщиками не побоялся схватиться и стрелял по ним картечью. Так что, собирайся, Громов, через день выступаем.

– Куда?

– Еще не понял? Да в Москву же. Армия на юге застряла, государыня посылает усмирять бунт гвардию. Поведет фаворит. Сказывали, сам вызвался. От каждого гвардейского полка – по большой бригаде, идем с припасами, с лекарями, чуть не всех из столицы забираем!

– Черкасского княгиня не пустит, – сказал Громов. – Я ее знаю, всех переполошит...

– А напрасно, – отвечал Прохоров. – Вам обоим умнее всего было бы спрятаться в Москве. Пока оттуда вернетесь – все про ту дурацкую дуэль позабудут! Так князю своему и передай. Если есть лучший способ получить прощение государыни – то я его не вижу, да и никто не видит.

– Но ведь и измайловцы идут?

– Как же без них! Но там будет не до дуэлей, ты уж поверь.

Громов задумался.

– Пожалуй, мы успеем собраться и к утру быть в казармах, – сказал он. – Не исполнить приказа – нет, такого позора мне не надобно...

Глава 6. Два жениха

Эрика уже давно могла бы сбежать – ее стерегли не слишком строго. Но она понятия не имела, где находится, далеко ли Санкт-Петербург, да и в какой он стороне.

Зато она понимала – как только обнаружится ее отсутствие, будет погоня, и Михаэль-Мишка окажется в более выгодном положении, чем она, – у него есть лошади и знание русского языка. Всякий охотно скажет, куда побежала придурковатая девица. Значит, нужно уходить в ночь и несколько верст идти в сомнительном направлении, не имея возможности спросить у прохожих дорогу. Да и хуже того – это должны быть прохожие, знающие немецкий или французский.

При ней Маша с Федосьей говорили, разумеется, только по-русски, и некоторые слова Эрика уже стала понимать: «кашка», «ложка», «кружка». В надежде, что ее начнут учить, она старалась произносить эти слова, но результат был смешной – Михаэль-Мишка за каждое новое слово дарил ей конфет в пестрой бумажке. Ей же нужно было научиться говорить: «В которой стороне Санкт-Петербург» и «Где казармы Измайловского полка».

Одно было хорошо – фрау Герта, не зная русского языка, ухитрилась насмерть переругаться с Машей, которая только русский и знала. Визг подняли на все Царское Село. Мирил их Воротынский – оплеухами.

Такое неделикатное обращение принесло неожиданные плоды.

Фрау Герта ухватила кочергу, замахнулась на Воротынского, он отскочил, удар пришелся по оконной раме, стекло вылетело. Фрау Герта поспешила в свою комнатку, собрала вещи и, когда приехал из Санкт-Петербурга Нечаев, объявила ему, что уходит навеки. Утомить ее не удалось, и пришлось закладывать дормез, везти немку в Гатчину, пристраивать к каким-то знакомцам в дом.

Маша же страшно обиделась на Воротынского, выбежала из комнаты и нашла приют у соседки. Михаэль-Мишка разбил товарища за неуместную грубость (именно неуместную, оплеухи он считал подходящим средством, а вот поднимать шум, имея на руках выкраденную дуру-девку, нельзя), и Воротынский побежал мириться. Целый вечер продолжалась суета, к Маше подсылали Федосью, подсылали кучера Андреича, понесли ей подарок – дорогую шелковую материю, насилу выманили, и наконец Воротынский пустил в ход последнее средство. Наутро оказалось, что они ночевали в одной комнате.

Неизвестно, на сколько дней Эрика застряла бы в Царском Селе, если бы не странный визит, одновременно испугавший ее и обрадовавший.

Она сидела в своей комнате, а Федосья для ее развлечения принесла со двора котят и дразнила их веревочками. Время было позднее – то самое время после ужина, когда все, что положено сделать на сон грядущий, уже сделано, и осталось уловить в себе желание задремать. Вдруг без стука вошел Михаэль-Мишка и что-то приказал. Следом вбежала Маша – и запримечала, словно бы оправдываясь. Михаэль-Мишка был взволнован и сердит. И прямо при нем началась суета.

Женщины достали из шкафа нижние юбки, несколько помятые, и шелковое платье – такие платья назывались «пукетовыми», потому что по светлому полю разбросаны были связки и гирлянды таких цветов, какие в природе друг с дружкой не встречаются.

Эрика невольно улыбнулось – бирюзовое поле было ей к лицу. И банты спереди, более густого цвета, Маша вывязала очень ловко, и затянула талию не слишком, и расправила кружева на плечах и на груди. Если бы к такому платью еще высокую прическу с крупными буклями, подумала Эрика, с цветами и лентами! Маша, словно уловила мысль, взвесила на руке ее длинную рыжеватую косу, расплетать не стала, а уложила венцом, и это тоже было неплохо.

Вдруг радость как рукой сняло – для чего бы впопыхах одевать неразумную девицу, словно на придворный бал? Что затеял Михаэль-Мишка?

Маша взяла Эрику за руку и, ласково уговаривая, повела вниз.

В большой комнате она увидела Михаэля-Мишку, господина Воротынского и еще одного господина, который ей очень не понравился. Одет он был нарядно, в пюсовый кафтан, под которым сверкал золотой вышивкой камзол из бледно-зеленого шелка, и ростом был высок, и станом – плотен, и ноги в узких пюсовых штанах – крепки и мускулисты, хотя самую малость кривоваты, а вот лицо кавалера было прикрыто шелковой маскарадной маской.

Михаэль-Мишка стоял с ним рядом и что-то ему объяснял по-русски.

Эрика выдернула руку и отступила назад. Михаэль-Мишка заметил это и достал из кармана завернутого в бумажку сахарного петушка. Господин в маске взял у него этого петушка и стал очень медленно подходить к Эрике, приговаривая по-немецки:

– Хорошая девочка, милая девочка...

Умнее всего было взять петушка и тут же начать его обсасывать – пусть видит, что из Курляндии привезли не какую-нибудь фальшивую, а самую настоящую, высшей пробы дуру. Для создания полной иллюзии не помешало бы еще вытереть руки о юбку...

И тут замаскированный кавалер заговорил по-французски.

– Я думал, она не так уж хороша собой, а она красавица. Тем лучше – не так уж страшно заполучить в постель такую прелесть.

– Она добра и благонравна, – по-французски же ответил Михаэль-Мишка. – Я думаю, что сотню слов она сможет выучить. Но будет очень трудно объяснить ей, что такое церковь и венчание.

– Нам нужен священник, который не станет задавать лишних вопросов.

– Попробую найти такого священника... за разумное вознаграждение...

Эрика так и окаменела с петушком во рту.

Теперь история с похищением безмозглой девицы приобрела завершенность. Кавалер в шелковой маске замахнулся на немалое приданое.

А сказать ему правду – страшновато. Потому что в нем чувствуется то же самое, что в Михаэле-Мишке, только в гораздо большем количестве: при внешнем благодушии скрытая холодность и жестокость. Люди, похитившие не ту курляндку и спрятавшие ее в деревне возле столицы, могут без особых угрызений совести отправить ее на тот свет, чтобы скрыть следы своей авантюры. Никто ее тут искать не станет, никто не опознает мертвое тело, найденное в кустах у большой дороги.

– Вели женщинам научить ее говорить «да» – хотя бы за конфеты или за ленточки, – по-французски сказал кавалер. – Но не дай Бог, если они догадаются о венчании.

– Это простые женщины, они из Царского Села никогда не выезжают и нашу дурочку никогда больше не увидят.

Эрика отвернулась, делая вид, будто занята петушком.

– Я постараюсь, чтобы ее больше из посторонних никто и никогда не увидел... – пробормотал кавалер. – Впрочем, я доволен. Главное – чтобы она родила ребенка.

– И чтобы ребенок пошел в отца, а не в матушку, – заметил Михаэль-Мишка. – Я рад, что мы с господином Воротынским вам угодили.

– Да и я также рад. Кто бы отказался от прелестной дурочки, которая не рвется на все балы и не просит подарков, кроме петушков? Нет, положительно в моей затее даже больше смысла, чем мне казалось! Нечаев, ты уверен, что женщины ни о чем не догадываются?

– Я сказал им, что девица – незаконная дочка богатого человека, который скоро пришлет за ней своего родственника. Они пытались узнать его прозвание, но я держался стойко.

Эрика, притворяясь, будто занята лишь сахарным петушком, внимательно слушала эту французскую беседу и осторожно поглядывала на кавалера в маске и Михаэля-Мишку.

Похититель старался держаться независимо и по-светски, но Эрика ощущала фальшь – Михаэль-Мишка норовил угодить кавалеру и явно боялся, что не справится. Кавалер же был по-светски беззаботен – как будто не приехал впервые посмотреть на будущую жену, а стоял в зверинце у клетки с мартышкой.

– Она умеет вести себя за столом? – спросил кавалер.

– Она сама ест ложкой и очень старается.

Тут Эрика еле удержала улыбку – она, наоборот, старалась есть, как малое дитя, вываливая кашу себе на подол.

– Тогда мы ее не позовем. Вели женщинам накрыть на стол, я перекушу и поеду.

– Дорога займет не больше двух часов...

– Нет, побольше. Сейчас видно, что ты привык ездить верхом. А экипаж тащится, как, как...

То, что кавалер сказал по-русски, очень развеселило Михаэля-Мишку.

Эрика бросила петушка на пол и широко зевнула.

Ей нужно было поскорее попасть наверх, в свою комнату. Окно глядело во двор, но она знала, откуда видна дорога. Увидеть только, в какую сторону двинется экипаж, – и по крайней мере одной заботой меньше!

Кавалер подошел к ней, взял за плечи, посмотрел прямо в глаза – и Эрике показалось на миг, будто он все понял. Сильные пальцы сжимались, но ощущение было странное – Эрика не хотела вырваться и отскочить, наоборот, ей было необходимо, чтобы эти руки удерживали ее еще сильнее, так, что рывок на волю невозможен. И взгляд... этот взгляд был доподлинно магнетическим... что-то такое толковала матери незамужняя тетка Амалия, помешанная на магнетизме и месмерической гармонии...

Тут голова у Эрики закружилась, и ее основательно качнуло. Кавалер удержал девушку и по-русски позвал Машу с Федосьей, смиренно стоявших в уголке.

Они увели ее, до полусмерти перепуганную. До сих пор никто с ней таких штук не проделывал. И опомнилась она лишь у себя в комнатке, когда Маша стала распускать ей шнурованье. Оттолкнув Машу, Эрика забралась с ногами на кровать. Она решительно не хотела раздеваться, она вдруг поняла, что ее разденут – и тогда явится кавалер с черным шелковым лицом!

Женщины зашептались – и вдруг разом перекрестились. Эрика поняла – кавалер их тоже чем-то напугал. И от этого вдруг полегчало – выходит, она еще в своем уме, и господин в маске оказывает магнетическое действие на всех! Вот ведь и Михаэль-Мишка, человек решительный и уверенный в себе, тоже при нем как-то утрачивает отвагу, делается отвратительно угодливым...

Эрика прямо в платье легла и натянула на себя одеяло. Под прикрытием одеяла ей было удобно запустить руку под тюфяк, где лежали пояс, кошелек и нож. С ножом она ощущала себя как-то увереннее.

Женщины бесшумно вышли – побежали докладывать, что безмозглая девица пожелала лечь спать. Вот и прелестно. Эрика встала и подкралась к двери, потом осторожно отворила ее. Нож был в левой руке – лезвием к себе. Откуда-то она знала, что так ей будет удобнее бить – повернувшись боком, снизу вверх, почти без замаха...

В торце коридора было окошко – к нему-то и пошла Эрика. Это окошко глядело на улицу – по здешним понятиям, довольно широкую улицу, хотя грязную беспредельно, с большими мусорными кучами, сломанными заборами и прочими прелестями слободы, которая только строится, причем строится без всякого плана, а каждый ставит себе домишко, как в голову взбредет. В темноте светились окна – вблизи и вдали, без всякого порядка. Составить по ним представления об улицах было совершенно невозможно.

Но окрестности Эрику не интересовали. Ей нужен был экипаж замаскированного кавалера, а еще точнее – те два фонаря, что висели спереди и хоть немного освещали дорогу.

Нечаянный жених, видимо, был усажен за стол и угощался. Маша и Федосья хлопотали вокруг стола и печи. Никто Эрику не беспокоил. Она присела боком на подоконник и подняла голову – к черному небу, к луне, окруженной светлым кольцом. Кто-то в Митаве рассказывал, что на Луне тоже есть горы и моря, только разглядеть их непросто, есть и жители, о коих почему-то умалчивает Священное Писание. Должно быть, иные из лунных жителей глядят на Землю в большую подзорную трубу и тоже ломают голову: что за странные существа там обитают?

Снизу донеслись голоса. Кто-то кричал по-русски, ему отвечал знакомый голос – Михаэля-Мишки. Эрика, не думая об опасности, отворила окошко и высунулась. Оказалось, экипаж был поставлен очень неудачно и теперь должен был хитроумно маневрировать, чтобы выбраться на дорогу. Незримый жених по-французски помянул тысячу чертей.

Наконец он уселся в экипаж. Качающийся огонек тронулся и неторопливо поплыл сквозь тьму. Эрика следила за ним, соотнося его с окрестностями. Она уже знала некоторые дома, знала расположение ближайших улиц. Огонек в конце концов потерялся во мраке, но Эрика поняла, в каком направлении нужно уходить.

Если экипажу на дорогу потребуется куда более двух часов, а всаднику, который бережет коня, – два часа, то дом жениха находится на расстоянии чуть более трех немецких миль. Так рассудила Эрика. Расстояние в милю было ей знакомо – оно требовало около двух часов, если идти неспешно, значит, до столицы можно дойти за шесть часов. Всего за шесть! И ранним утром ворваться в комнату к Валентину!

Откладывать это путешествие нельзя – неизвестно, что еще придумает проклятый жених, о чем он уговорился и Михаэлем-Мишкой за столом. Стало быть, час пробил.

Когда Маша с Федосьей пришли укладывать Эрику, она лежала под одеялом. Снять с себя платье она не позволила – была женщин по рукам. Они решили оставить дикую девку в покое, помогли ей справиться малую нужду, протерли ей лицо мокрым полотенцем и ушли.

Теперь оставалось только подождать, пока все в доме уснут, и пробраться в комнату, где жили мужчины. Эрика, гуляя днем по двору, заметила, что похолодало, и поняла – ночью ей не обойтись без теплой накидки. Где прячут одежду женщины, она не поняла, а вот две черные длинные епанчи, способные защитить всадника от ветра и дождя, приметила – их надевали Михаэль-Мишка и Воротынский.

Ей повезло – оба похитителя выпили с нечаянным женихом за успех авантюры, потом еще добавили и спали, как невинные младенцы.

Завернувшись в епанчу, Эрика немного постояла в дверях, глядя на Михаэля-Мишку. Она понимала – этот человек с лицом почти ангельским далеко не ангел, чем дальше от него – тем безопаснее, и все же возникла привязанность. Он искренне, насколько вообще был способен к искренности, заботился о ней – и побег навлек бы на него основательные неприятности. Но выбора не было – Эрика для того и поехала с ним, чтобы потом убежать.

Она вышла во двор, потом – на улицу. Мир, куда она попала, не очень соответствовал тому, который был виден из окошка. Но она выбралась на дорогу, по которой укатила карета жениха. Дорога была прямая и накатанная. Эрика вздохнула с облегчением и пошла вперед.

Довольно долго местность была пустынной. Это радовало – никто не видит беглянку, никто не донесет. Но вот другое обстоятельство совершенно не радовало – Эрика отвыкла от ходьбы, а туфли у нее были неудобные, неразношенные. Очень скоро она ощутила боль и поняла, что рискует сильно натереть ноги.

Путешествие оказалось совсем не таким, как вызрело у нее в голове. Ей отчего-то представлялся полет, только без крыльев, полет в объятия к Валентину, и сразу – венчание, причем не скромное, какое только и можно устроить впопыхах, а настоящее, роскошное.

Представив, что вот так придется брести всю ночь, ступая очень осторожно и всячески оберегая пятки, Эрика чуть не заплакала. Но мысль более страшная пришла ей в голову – так она за ночь не дойдет до окраин столицы.

Вокруг были луга и поля – даже негде присесть, чтобы дать отдых ногам. И темнота, которая скорой ходьбе не способствует. Эрика прошла еще немного и додумалась – можно же сорвать с платья бирюзовые ленты и перебинтовать ноги. Она свернула на луг, подстелила епанчу и достала нож.

Опыта по части перевязок у нее не было ни малейшего. Барышня знала французский, знала с полсотни латинских афоризмов, умела изобразить акварелью цветы и пейзажи, петь она тоже умела, отлично танцевала. Добрый дядюшка развлекался тем, что учил ее стрелять, – занятие самое благородное, от помнит, как отменно стреляла герцогиня Анна, которая потом стала русской царицей. Старший брат, пока не уехал в Санкт-Петербург, учил ее фехтованию – в разумных пределах и это полезно, вон ведь английским аристократкам нанимают фехтовальных учителей. К браку Эрику готовили не лучше и не хуже, чем прочим девиц из богатых семей – она знала все арифметические действия, знала цены на провиант и все, потребное для домашнего хозяйства, умела шить и вышивать, умела готовить – в разумных пределах. Но лечить натертые ноги она не умела – если с ней приключалась такая беда от новых туфель, она просто оставалась в своей комнате и ждала, пока нежные ножки сами заживут.

Но останавливаться надолго она не имела права. К тому времени, как обнаружат ее отсутствие, она должна быть в Санкт-Петербурге! Должна! Значит, нужно затянуть на ногах ленты и идти, идти, идти.

Но это уже не был полет влюбленной души – Эрика брела, стараясь забить боль беззвучным исполнением песенок. Наконец ее осенило – а нож на что? Можно разрезать туфли сзади, освободить пятки. Боль уйдет, походка станет легче!

В изуродованных туфлях она шла по ночной дороге и уже стала напевать вслух. Но тут она заметила вдали огонь.

В придорожном селении случился пожар. Подойдя ближе, Эрика увидела суету, услышала крики. Домишко стоял у самой дороги – как раз по дороге подносили воду, там крутилось и галдело десятка полтора соседей.

Ей не пришло на ум, что незнакомый человек может сейчас быстро пройти мимо людей, которым не до блуждающих девиц, – на нее никто бы не обратил внимания. Напротив – она была уверена, что если покажется на свет, то все тут же разглядят ее, запомнят и все доложат пустившемуся в погоню Михаэлю-Мишке. Не зная, долго ли тушат пожары, она решила постоять и подождать. Часов у нее не было, и простояла она, прячась за деревом, довольно долго.

Когда она отошла от селения на четверть мили, небо стало светлеть. Эрика обрадовалась, а напрасно – деревенские жители встают рано, и она догадалась о близости следующего селения по звуку пастушеского рожка и петушиным крикам. Пройдя еще немного, Эрика увидела на дороге телегу. Она кинулась прочь, спряталась в придорожных кустах, ее не заметили.

Тогда Эрика поняла, что продолжать путь опасно. Нужно было переждать где-то день и двигаться вперед с наступлением темноты. Убежище она высмотрела быстро – на выкошенном лугу стояли большие копны сена. Плохо оказалось другое – в Курляндии такие копны стояли на стожарах, чтобы сено проветривалось и не прело, получался уютный маленький шалаш. Здесь, под Санкт-Петербургом, о стожарах и представления не имели. Она отошла к самой дальней копне, кое-как разгрела сено и соорудила себе пещерку.

Усталость и волнение были таковы, что она сразу же уснула.

Проснувшись к обеду, Эрика почувствовала голод – настоящий голод, какого она отродясь не знавала. Где взять еды – она понятия не имела. Выходить к придорожному селению – боялась. Впору было жевать слежавшееся сено. Она попыталась опять заснуть и до темноты

лежала в каком-то смутном состоянии – то уплывая в мир искаженной логики и невесть откуда берущихся образов, то вдруг резко оттуда вываливаясь Насилу она дождалась темноты.

Оказалось, что она пряталась недалеко от Московской заставы. Сказать, что за этой заставой начиналась столица, значило бы сильно погрешить против истины. Местность была плохо обжитая, с деревянными домами, огородами, хлевами и курятниками. Но там ей повезло – она услышала знакомую речь. Двое мужчин и женщина, едучи в повозке, говорили по-немецки. Эрика окликнула их, и ее подвезли, насколько могли, впридачу объяснив про казармы Измайловского полка.

Попутчики обрадовали: ей не придется плутать по незнакомым улицам. Измайловская слобода располагалась не доходя речки Фонтанки.

Каждый гвардейский полк имел свою слободу, в которой дома строились на один образец. Еще недавно эти слободы более всего были похожи на деревни в городской черте – вместе со служилыми людьми жили их домочадцы, включая самых дальних родственников и чуть ли не случайных знакомцев, вразброд стояли хлева и птичники. Только при ныне царствующей государыне Екатерине они стали приобретать городской вид – проложены были улицы, улицам даны названия по номерам рот, уничтожены здания, в коих не было прямой необходимости, а также посажены деревья. Посторонние персоны были безжалостно выставлены вон – включая избыточную прислугу господ офицеров. Офицеры строили себе дома за свои деньги, но обязаны были соблюдать архитектурное единообразие. Солдаты жили в казармах, поделенных на покои, причем один покой был рассчитан на двоих гренадеров или мушкетеров.

Эрика кое-что знала от жениха и брата об устройстве гвардейских слобод и у первого же встречного в мундире спросила по-немецки, где находится полковой двор. Этот человек был русским, но по-немецки уже разумел – и поди не выучись, когда большая часть офицеров – немцы. Он проводил Эрику мимо казарм на небольшую площадь, окруженную домами. Там было все, необходимое полку, чтобы жить и действовать: канцелярия, деревянная полковая церковь, цейхгаузы, госпиталь, дома для докторов, полковые мастерские, кузница, пороховой погреб и при нем бомбардирская и гренадерская лаборатории – там мастерили боеприпасы для полковых нужд. Ближе к Фонтанке располагались водоемы, где брать воду в случае пожара, полковые конюшни и сенные сараи.

Будь она столичной жительницей – ее смутила бы тишина в полковой слободе, показались странными пустые улицы. Но Эрика была курляндской барышней, да еще влюбленной, в голове жила одна мысль – вот сейчас распахнется какая-нибудь дверь и на пороге явится изумленный Валентин.

Ее спутника окликнули по-русски, он ответил, подошел пожилой офицер с фонарем.

– Добрый вечер, – сказала ему Эрика по-немецки. – Вы говорите по-немецки или по-французски?

– Я эльзасец, фрейлен, – ответил офицер. – Что вы делаете в такое время у казарм?

Вопрос был довольно строгий, но Эрике и в голову не пришла его подоплека. О некоторых сторонах полковой жизни она не имела понятия, а брат и жених ее не просвещали.

– Я ищу своего жениха, – сказала она. – Я приехала к нему из Митавы. Он и мой брат служат в Измайловском полку. Брата зовут Карл-Ульрих фон Лейнерт, жениха – Валентин фон Бишпен. Оба служат во второй мушкетерской роте...

– Лейнерт? – переспросил офицер. – Фрейлен его сестра?

И поднял фонарь повыше, чтобы осветить лицо Эрики. Сходство с братом имелось – она это прекрасно знала.

– Да, только не зовите его сразу, – попросила она, поняв, что офицер ей поверил. – Сперва отведите меня к фон Бишпену... вы понимаете...

– К фон Бишпену?... – офицер явно растерялся. – Но, фрейлен, это невозможно, простите...

– Отчего же? Он занят по службе? Тогда, сударь, проводите меня туда, где я могла бы подождать его.

– Пойдемте, фрейлен.

Офицер молча повел ее к ровному ряду казарменных зданий.

– Я бы предложил вам свое гостеприимство, фрейлен, но я живу один, впрочем, сейчас в унтер-офицерской казарме есть пустые комнаты.

– Зачем мне комната? Я дождусь фон Бишпена...

– Присядьте, фрейлен, – сказал офицер, указав на лавочку под липой. – Присядьте. Вот так, хорошо. Я должен сообщить вам скверное известие. Поверьте, я от души вам соболезную...

– Что случилось? – спросила Эрика.

– Валентин фон Бишпен скончался. Он скончался сегодня утром. Рано утром...

– Нет. Этого не могло быть, – произнесла Эрика совершенно не своим, изумительно спокойным голосом. – Отведите меня к нему сейчас же!

Она захотела встать – и не смогла, ноги отказались служить.

– Это случилось, фрейлен. Доктора оказались бессильны, а рана слишком опасна.

– Рана?..

– Он бился на дуэли и был тяжело ранен, фрейлен. Делали все, что в силах человеческих...

– На дуэли?..

Эрика задавала вопросы, но ответы ей не были нужны. Нужно было совсем иное – выкарабкаться из этого морока, стряхнуть этот бред, вынырнуть туда, где Валентин жив.

– Да, фрейлен. Он поссорился с князем Черкасским, они бились на берегу, князь пустил в ход хитрую уловку...

– С князем Черкасским, – повторила Эрика. – Нет, этого не могло быть, он ждал меня, я должна была приехать...

Теперь ей казалось, что их тайное обручение подразумевало побег.

– Он вас не дождался, фрейлен.

И тут Эрика опомнилась.

– Где мой брат?! – воскликнула она. – Отведите меня к брату! Он все объяснит! Он друг Валентина, он знает правду!

– Брат ваш вместе с бригадой уехал утром в Москву. Граф Орлов повел туда четыре бригады, от всех гвардейских полков, усмирять чумной бунт. Молитесь Богу, фрейлен, чтобы он вернулся целым и невредимым.

Глава 7. Господин Поль

Луи Барро Бротар замерз до такого состояния, что из всех умных мыслей в голове осталась лишь одна: домой, домой! Он не знал, что Голландия – страна ветров. То есть знал, что вся она утыкана ветряными мельницами, но мельницы до сих пор были в его понимании украшением пейзажа и опорой здешней промышленности. Они мололи зерно, жали масло, осушали реки и болота. Ему и на ум не приходило, что для их работы нужен столь ледяной, пронизывающий, мощный ветер.

Бротар поселился посреди Амстердама, в гостинице «Семь мостов», и ему все казалось, что маленькая комнатка не просто стоит у воды, а даже стоит прямо на мосту над каналом, – и сырость врывается в щели пола при каждом порыве осточертевшего голландского ветра. И это всего лишь конец сентября – что же будет в ноябре, в декабре?

Из носу текло, платок был уже мокрый, впору воспользоваться полой плаща. Бротар выругался – если так пойдет дальше, он сляжет на неделю. Хоть покупай меховую шапку...

В гостинице он первым делом потребовал себе таз и кувшин с горячей водой. Пока неторопливая служанка принесла, он успел раздеться, стянул влажные чулки.

– Кой черт занес меня сюда? – уныло спросил он и тут же пробормотал: – *Domine Jesu, dimitte nobis debita nostra...*

Он смотрел на свои худые ноги, совершенно ледяные, и все яснее понимал, что нужно уезжать из Амстердама туда, где тепло. Там он оживет, его рассудок проснетесь, и новые мысли, одна другой соблазнительнее, полетят друг за дружкой, как кавалькада удачливых охотников вслед за дичью. Но сперва – отдохнуть в Швейцарии. Там наверняка найдется маленькая долина среди гор, совсем безветренная, с крошечным городком на берегу озера, там будет дом с террасой, где можно греться на солнце, пока колокол не позовет добрых прихожан в церковь. Пойти вместе со всеми и молиться, как в детстве...

Швейцария представлялась ему сейчас райским уголком, где нет холода. Человек, имеющий деньги, может отлично там устроиться и отдохнуть – год, два... или больше?..

Мысли, мысли, вы ведь проснетесь на той террасе, и вы будете опасными, дорогие мысли, но умными, дерзкими – но сулящими ценный приз. В сорок пять лет еще можно взять немало призов...

Служанка принесла таз, установила его возле постели, чтобы, распарив ноги, почтенный господин тут же забрался под одеяло. Рядом она поставила белый кувшин с двумя пинтами кипятка. Этого хватит на полчаса блаженства.

– И горячий кирпич, моя красавица, – сказал Бротар, пробуя ногой воду. Кирпич, завернутый в сукно, под одеялом – что может быть милее?

Служанка кивнула и вышла. Здешние девицы были неразговорчивы – или хозяева запрещали им пускаться в кокетство с постояльцами? Впрочем, крутобедрая голландка не показалась ему соблазнительной. Тому, кто немало пошалил с парижанками, голландка – не Венера.

Немало – а могло быть больше. Сколько времени потрачено, бедный аббат, сколько золотых лет миновало зря, прежде чем ты додумался сбросить сутану и зарастить тонзуру?

Ноги не сразу поняли, что их поместили в тепло. Две ледышки отказывались оттаивать – словно бы замкнули в себе холод и не желали с ним расставаться. Ну что же, понемногу, понемногу...

В дверь постучали.

– Заходи, моя красавица, – пригласил Бротар.

Но вместо служанки с горячим кирпичом явился кавалер – прямо с улицы, если судить по надвинутой ниже бровей треуголке.

– Какая ужасная погода, – сказал кавалер по-французски. – Я думал, меня унесет ветром и скинет в канал. Вижу, и вы от нее пострадали, господин Бротар.

– Да, приходится лечиться, – согласился Бротар; что же еще скажешь, когда тебя застигли с ногами в лохани?

– Я тоже не ложусь, не распарив хорошенько ноги.

– С кем имею честь? – осведомился Бротар. – Простите, что не встаю.

– Ничего, ничего, обойдемся без церемоний, – кавалер снял треуголку и приспособил на подоконнике, подвинул к постели табурет с сиденьем из переплетенных кожаных полосок, а плащ свой скидывать до поры не стал. – Я прислан, чтобы поговорить с вами о некоем деле. Скорее всего, мы найдем общий язык.

Он улыбнулся, и улыбка эта Брокеру не понравилась – уж слишком была беззаботна и благодушна.

Посетитель был примерно одних с ним лет, но если Брокер – худощав, узкоплеч, с тощими ногами (скоро придется засовывать в чулки накладные икры), не по годам морщинист, то этот – крепкого сложения, с очень приятными чертами гладкого лица, немного отяжелевшими от возраста, подпортившего безупречный овал и маленький изящный подбородок, и с невероятной добротой в прищуре темных глаз. На вид – непременно любимец женщин и желанный гость во всяком приличном обществе.

– Как прикажете к вам обращаться? – спросил Бротар, игнорируя обаятельную улыбку.

– О Боже мой, да ведь вы меня совсем забыли. Вспомните – Монпелье, занятный диспут о благовещении, вы там весьма к месту привели две цитаты из святых отцов, тогда вы еще были служителем церкви, любезный господин Бротар, и даже ответили на мой вопрос относительно латинского глагола... кстати, как вышло, что вы отказались от служения?..

Так, подумал Бротар, вот я и попался. Диспут в Монпелье был, а вот любезного господина там не было, и его вопрос – никакой не вопрос, ибо он отлично знает, почему аббат Бротар скинул сутану и скрылся бегством из прекрасной Франции. Ответ – в его взгляде, в некоей особой незавершенности интонации...

– На все воля Божья, – сказал Бротар и покачал головой. – Однако я не припоминаю вашего имени.

– Да что вам в моем имени? Называйте меня «господин Поль», если так уж хочется соблюдать приличия.

– Совершенно не хочется, – буркнул Бротар. – Что вам от меня нужно?

– Отменный вопрос. Прямой и достойный. Но сразу ответить я не смогу. Позвольте, я начну, как опытный соблазнитель, с обещаний. Я много знаю о вас, аббат Бротар, и есть люди, которые вас охотно опознают. Бумаги по вашему делу еще можно найти в парижской полицейской канцелярии, хотя вы уже пять лет как не изволите жаловать в Париж. Так вот, если сведения, которые я сейчас от вас получу, окажутся мне нужны, то мы можем договориться о выкупе тех бумаг.

– Вы не полицейский.

– Верно, я не полицейский. Но я, изволите видеть, очень любознателен и памятьлив. Друзья сообщают мне, что в Амстердаме встретили аббата Бротара. Я тут же вспоминаю диспут в Монпелье и радуюсь, что Господь посылает мне приятного собеседника. Вы и вообразить не можете, как трудно говорить с голландцами о вещах возвышенных – все вмиг на гульден переводят! – пожаловался господин Поль. – Я приступаю к поискам, и что же? Господин аббат, к моему величайшему удивлению, не ищет общества людей образованных, не ходит к мессе, зато посещает типографии и бумажные мельницы! Я решил, что вы написали книгу и хотите сами, без посредников ее издать. Отлично, подумал я, это будет полезная и назидательная книга... позвольте, я помогу вам...

Господин Поль взял кувшин и очень бережно подлил в таз горячей воды.

– Меня просили собрать сведения, – сказал Бротар. – Я живу тем, что исполняю поручения.

– Я так и понял, – усмехнулся господин Поль. – Хотя не сразу. Но когда оказалось, что вас видели в еврейском квартале, что вы вели переговоры с граверами и резчиками печатей, сами понимаете, я был озадачен. Я забеспокоился – неужели вы до такой степени отошли от богословия? Я решил встретиться с вами, но оказалось, что вы изволили отбыть в Виан – а Виан славится бумажными фабриками. Странно, подумал я, что же за особая бумага нужна аббату Бротару?

– Повторяю, я тут ни при чем. Мне дали поручение, я старался исполнить его как можно точнее, – огрызнулся Бротар. – Это все, что я могу сказать.

– Вы искали определенный сорт бумаги. А поскольку вы – аббат, а не мануфактурщик, у вас должен быть при себе образец. Дайте-ка мне этот образец! – приказал господин Поль. – Дайте, говорю вам, если не хотите неприятностей!

– Я не сделал ничего дурного!

– Мне слишком известна ваша репутация, господин аббат. У вас есть художественные наклонности... деликатно выражаясь... Вот сейчас вы скажете мне, что не имеете никакого отношения к истории с подделанными документами, из-за которой оказались под следствием и вовремя ухитрились сбежать в Россию. Ведь скажете, друг мой аббат? Со слезой в голосе поклянетесь, что невинны? Растолкуете мне, как именно вас оклеветали?

Бротар помолчал, обдумывая ответ.

– Как вы полагаете, господин Поль, отчего я сбежал в Россию? – спросил он.

– Оттого, что это страна невероятных возможностей для человека с художественными наклонностями, – тут же ответил гость и даже рассмеялся.

Это был смех счастливого и беззаботного человека, смех неувядающей молодости. Легкая зависть тронула Бротарову душу.

– Да. Я подумал – это государство не обеднеет, если один аббат найдет себе там средства к существованию. Допустим, если он станет выполнять поручения неких знатных особ. Что бы я ни делал, это не принесет Франции ни малейшего вреда. В этом могу дать клятву. Так и передайте, господин Поль, тем, кто вас прислал.

Бротар постарался произнести это с достоинством и благородным волнением в голосе.

– Так вы патриот? И слово «отечество» для вас кое-что значит? – господин Поль наклонился, прямо потянулся к Бротару, как будто собрался с ним целоваться.

– Вообразите, да.

– Я рад. Я искренне рад! – воскликнул господин Поль. – Тем более вы должны показать мне образцы бумаги. Да, да, я понял – от них не будет Франции вреда. Но вдруг от них предвидится для Франции какая-то польза?

И тут-то Бротар понял наконец, кто этот человек.

Менее всего он желал бы привлечь к себе внимание «королевского секрета». Однако это случилось – и бедный аббат оказался между молотом и наковальней.

К тому времени французская дипломатия более всего напоминала спятившего осьминога, утратившего власть над своими щупальцами, так что каждое извивалось на свой лад, на свой страх и риск, и сцеплялось в смертельной схватке с соседним щупальцем, не подозревая, что оба они растут из одного и того же тела.

До этого странного положения довел французских дипломатов не какой-нибудь хитроумный шеф британской или австрийской разведки, а их же собственный законный государь Луи Пятнадцатый.

У него были две черты характера, доставлявшие окружению множество хлопот: вечная скука и непредсказуемая недоверчивость.

Со скукой до поры справлялась маркиза де Помпадур, умевшая развлечь повелителя то оперой, то фарфором, то невинной девицей. С недоверчивостью поделаться никто ничего не мог – да она, кстати, имела основания. Король был окружен сановниками из самых знатных родов, которые, скорее всего, доверия и не заслуживали.

Он знал про себя, что с трудом может сопротивляться навязыванию чужой воли и аргументам, которые кажутся неоспоримыми. И он нашел средство держать в повиновении собственных министров. Король чуть ли не тридцать лет назад создал особый тайный кабинет под названием «королевский секрет». Он подчинялся непосредственно монарху и занимался плетением заговоров против министров. Сначала это имело какой-то смысл, но король заигрался. У него появились собственные тайные агенты во всех странах, где присутствовали французские послы. Посол – лицо чиновное, наилучшего происхождения, по его персоне судят о монархе, но герцогская корона – еще не патент на ум и изворотливость. Сперва агенты «королевского секрета» только доносили о посольских оплошностях, но потом именно через них монарх стал проводить свою политику в обход высокопоставленных дипломатов. Началась путаница. В инструкциях министра иностранных дел было одно, в королевских инструкциях – другое. И граф, чьи предки ходили в крестовые походы, вдруг, к ужасу своему, узнавал, что в некотором деле ему придется повиноваться истопнику посольства.

«Королевский секрет» был отменным развлечением – тут тебе и переодевания, и похищения, и ловушки, и прекрасные соблазнительницы; но один романист не придумал бы таких великолепных сюжетов. В один прекрасный день король забеспокоился, что граф де Бролье, возглавлявший «королевский секрет», забрал себе уж слишком много власти. Тайно от главного «королевского секрета» его величество учредил второй, который следил за графом и частенько ему мешал.

Путаница дошла до предела, хаос в государственных делах наконец испугал самого короля. Но он не стал ничего менять.

Бротар кое-что знал об этих хитросплетениях. В Санкт-Петербурге, ища способа разбогатеть, он встречался с французами, которые пытались втянуть его в опасные затеи, но он хотел не игры в политику, а всего лишь умеренного мошенничества. И сейчас, когда ему предложили на выбор, оказывать содействие «королевскому секрету» или ехать под конвоем в Париж, он растерялся. Слишком легко было бедному аббату впутаться в игру, смысла которой он не понимал, чтобы потом стать козлом отпущения для более знающих и ловких людей.

Кроме того, вмешательство «королевского секрета» могло загубить его собственную авантюру.

– Господин Поль, тут речь о совершенно невинном мошенничестве, – сказал Бротар. – Задумана подделка некоторых частных документов, для чего нужна особая бумага и печати. Что-то вроде фальшивого завещания, вы понимаете...

– Да, конечно. Те, кто отправил вас сюда с поручениями, люди аккуратные – им нужна не просто хорошая печать, но самая лучшая. Господин аббат, мне сегодня рассказали, что Иосиф Больвейрес, купец из Меца, свел вас с лучшим резчиком печатей во всем Амстердаме. К нему-то вы и ходили в еврейский квартал. Похоже, тут речь о пресловутом завещании Петра Великого!

Господин Поль опять рассмеялся, а Бротар съежился.

– Дайте образцы, – вдруг приказал господин Поль. – Вы еще не поняли, что дурачить меня опасно?

Бротар молчал. Дело, на которое потрачено столько денег и времени, представилось ему кораблем, угодившим в шторм и идущим ко дну.

Господин Поль огляделся и увидел кафтан Бротара, висевший на спинке стула. Недолго думая, королевский агент встал и запустил руку сперва в левый карман, потом в правый. Он достал кошелек, записную книжку, мешочек с игральными костями, еще какую-то мелочь, все

это выложил на стол. Бротар вздохнул. Он смирился с поражением – пусть уж этот мерзавец поскорее найдет образцы...

– Это они? – спросил господин Поль, доставая из записной книжки и разворачивая две сложенные вместе ассигнации, в которых были вырезаны серединки. – Что это за язык? Русский?

– Да, – тихо сказал Бротар. Его бил озноб. Все рушилось, все рушилось...

– Ни слова не понять, китайская грамота, – пожаловался господин Поль, глядя сквозь ассигнации на свет и поворачивая их то так, то этак. Водяной знак на бумаге представлял собой кайму из надписей «Государственная казна», «любовь к Отечеству» и «действует к пользе онаго». По углам помещены были четыре герба, которых агент не смог разобрать. Были также другие знаки – остатки их он видел по краям дырок, но восстановить даже не пытался.

– Итак, вы искали мастера, который изготовит точно такую же бумагу, – сказал королевский агент. – Вам пришло на ум, что можно преспокойно подделать российские ассигнации, потому что голландские мастера сделают все необходимое даже лучше, чем российские. Это, пожалуй, разумно. Только как вы собирались провезти их в Россию и потом распорядиться большим количеством таких ассигнаций?

– Я лишь выполнял поручение, – ответил Бротар. – Я не знаю, как особа, которая все это придумала, будет пускать в ход свои ассигнации. Я получу свои деньги и уеду из России.

– Во Францию?

– Нет. Мне на старости лет хочется хоть немного пожить в тепле. Я выбрал Италию.

– Разумно. Мне кажется, господин аббат, мы с вами договоримся. Слушайте меня внимательно. О Господи, вода, наверно, совсем остыла!

Господин Поль заботливо подлил в таз воды из кувшина, но Бротар не ощутил тепла.

– Итак... Тот, кто задумал эту авантюру, уверен, что сможет подменить фальшивыми ассигнациями большую партию настоящих, так что ему достанутся настоящие, а фальшивые поедут куда-нибудь в Сибирь. Это – главное условие. Значит, упомянутая персона занимает немалый пост и близка ко двору. Сия персона менее, чем ради миллионов, позориться не станет. Вы уверены, что не знаете имени заказчика бумаги и печатей?

– Уверен. Я имел дело с посредником...

И тут Бротар понял, что не все еще потеряно.

– Кто этот посредник?

– Это армейский офицер в отставке, который не имеет других средств к существованию, кроме карточной игры и сомнительных поручений.

– И вы поверили ему?

– Да. Он дал порядочный аванс.

– Имя.

– Михаил Нечаев.

– Как вы с ним уговорились?

– Я встречусь с ним в Санкт-Петербурге и передам формы для бумаги, печати, шрифты и все прочее.

– Формы?

– Да. Не могу же я провезти через несколько границ целый воз бумаги с такими водяными знаками.

– Хм... Отчего он выбрал вас?

– Оттого что я француз и могу выехать из России без затруднений. На меня в Голландии не обратят внимания. Но тут он ошибся.

– Вы уверены, господин аббат, что он единственный посредник?

– Нет, не уверен. Но мне кажется, что в таком деле чем меньше людей замешано – тем лучше.

– Вы с каждой минутой все более мне нравитесь, господин аббат, – сказал королевский агент. – Вы знаете, где по вашим формам могут изготовить бумагу для ассигнаций?

– Настоящую бумагу еще со времен императора Петра делают на Красносельской фабрике, туда соваться опасно. Есть хорошие мануфактуры в Ярославле и Калуге – Полотняный завод Гончарова в Калуге и мануфактура Затрапезнова в Ярославле. Мастера могут тайно принять заказ. Я полагаю, они сделают бумагу нужной степени белизны. Но этим буду заниматься уже не я. К тому дню, как выпустят ассигнации, я уже буду в Италии. Господин Поль, подлейте еще воды, а лучше – кликните служанку, пусть принесет другой кувшин и горячий кирпич заодно.

– С радостью услужу вам.

Агент вышел в коридор и весело окликнул проходившую служанку. Он говорил по-голландски куда лучше, чем Бротар, из чего можно было понять: он тут не первый год. Трудно сказать, что именно творится в Амстердаме, но о том, что в Гааге – нечто вроде места сбора агентов и дипломатов всех стран, известно каждому.

Кроме кувшина, господин Поль потребовал в комнату Бротара хороший ужин.

– Нам следует отпраздновать такое удачное знакомство, – сказал он. – Я знал, что вы человек покладистый. Если бы вы еще вспомнили что-либо о Михаиле Нечаеве, цены бы вам не было. Может быть, вы его с кем-то встречали?

– Я видел его как-то возле богатого экипажа, – делая вид, будто вспоминает, – ответил Бротар. – Герба я не разглядел. Помню, он был четверочастный и с очень мелким рисунком. Нечаев стоял у дверцы и выслушивал того, или ту, или тех, что сидели в экипаже. Потом он поклонился, а карета укатила. Это было возле дворца Куракиных... князя Куракины, древний род, но герб – не их, у них более яркий...

– Где в столице проживает ваш Нечаев?

– За Казанским собором, на самой набережной Екатерининского канала, – тут же ответил Бротар. – По крайней мере, мне он дал этот адрес. Надобно спросить дом купца Матвеева.

– А где он бывает?

– А черт его знает, – честно сказал Бротар. – Думаю, в самых неожиданных местах. Он из тех молодых людей, которые могут оказаться вдруг в весьма почтенных будуарах... Но я, кажется, знаю, где Нечаев может встречаться с людьми, не привлекая к себе внимания. Он отличный фехтовальщик и бывает в Академии Фортуны.

– В Академии?..

– Это большой фехтовальный зал, где составляются ASSO и заключаются пари. Все молодые офицеры ходят туда. Этот зал тайно посещают самые высокопоставленные особы, а когда ожидаются любопытные поединки, приезжают даже дамы в масках. Я думаю, там можно встретить и господина фаворита.

– Занятно...

– Но сейчас Академия, скорее всего, закрыта. Я вчера узнал новость – вся гвардия отправлена в Москву. Там случился бунт...

– Да, я знаю. Вы рассказываете очень полезные вещи, господин аббат. Считайте, что по крайней мере одну бумажку из своего пухлого дела вы уже выкупили. Сейчас мы вместе поужинаем и обсудим ваши дела.

– От ужина не откажусь, – сказал Бротар. – Только, простите, буду есть лежа. Ведь принесут мне когда-нибудь мой кирпич.

Он вывернулся, он направил агента по ложному пути. Судя по беспорядочной жизни Мишки Нечаева, петербургским помощникам господина Поля придется немало побегать за авантюристом, прежде чем обнаружится его непричастность к фальшивым ассигнациям. А к тому времени братья Пушкины получают формы и печати со шрифтами, наштампуют те триста тысяч рублей, о коих был уговор, Михаил Пушкин вместе с Федором Сукиным подменят

фальшивыми ассигнациями те, которые через Мануфактур-коллегию должны пойти на оплату сделок с заграничными купцами и использоваться при отпуске российских товаров за границу.

Хорошее заведение Мануфактур-коллегия! Очень для такого рода приключений подходящее. Дивно, что его начальство само до сей комбинации не додумалось. Непременно этим русским нужен человек, который расшевелит, ткнет носом, растолкует выгоду. Бротар вспомнил свой долгий разговор с вице-президентом Мануфактур-коллегии Сукиным и невольно усмехнулся – вот ведь бестолковый трус...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.